

В^{Юрий}иничук

Девы ноги

Юрий Винничук

Девы ночи

«Фолио»

1992

Винничук Ю. П.

Девы ночи / Ю. П. Винничук — «Фолио», 1992

Роман «Девы ночи» – один из наиболее известных бестселлеров современной украинской литературы. Он был опубликован еще в 1992 году, несколько раз переиздавался, но снова быстро исчезал с книжных полок....События книги происходят в 1978 году. Герой возвращается из армии и с головой ныряет в бешеный вихрь жизни – такой, какой он еще не знал. «Фарцовка», друзья-сутенеры, проститутки, пожилая дама, готовящая в своей «школе» девушек для оказания услуг определенного рода, – за всем этим миром герой сначала лишь наблюдает. Однако очень скоро становится в нем «своим»...

© Винничук Ю. П., 1992

© Фолио, 1992

Содержание

Книга первая	5
Вступление	5
Одесские гастролеры	6
История одного греха	10
История второго греха	12
Я – сутенер	14
Танго с зажиманием	25
Конец гастролей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Винничук

Девы ночи

Книга первая

Вступление

Они появляются вместе с сумерками – ночные розы наших улиц. Выползают из щелей и трещин, выпархивают из труб, выныривают из канализаций и мусорников – дети ночи.

Только тогда, когда стемнеет, сможешь их распознать безошибочно. А днем они незаметны. Днем они – как все. Как ты или я.

В величественном храме ночи проходит их жизнь. Жрицы любви, древние, как мир, – с улиц узких Вавилона, Египта и Израиля, из афинских предместий и римских сутерин¹, с площади Пигаль и Бродвея, девы ночи с Академической – прошу, позвольте познать мир ваш тайный, проникнуть в ваш храм, чтобы знать, какому богу вы молитесь и стоит ли он вашей веры.

¹ Подвальное помещение (*галич.* – *Здесь и дальше прим. пер.*).

Одесские гастролеры

История эта происходила в 1978 году и длилась ровно 18 дней. Это было невероятно сумасшедшее лето.

Прошло полгода, как я вернулся из армии, и первое, что я должен был сделать, – это явиться в военкомат и отметить свой дембель. Заодно получить паспорт, который у меня отобрали перед отправкой на службу. А явиться пред ясные очи пана коменданта я должен был в полном обмундировании – то есть в парадной форме и в шинели. И вот вместо того, чтобы, как нормальный человек, прийти туда сразу по приезду во Львов, зимой, я закинул и форму, и шинель в кладовку, и жадно бросился в круговорот жизни, которой был лишен в армии. Начал я с того, что совершил рейд по кинотеатрам, просматривая иногда по три фильма в день. Я, как и большинство львовян, отдавал предпочтение зарубежным фильмам, за исключением индийских, арабских и из стран социалистического содружества. Много просмотренных фильмов были тупыми и беспросветными. А еще я жадно глотал книги, которые заказал по почте, и за год службы меня ожидала их уже целая гора. По пятницам, субботам и воскресеньям я с кем-нибудь из приятелей водил козу² по кнайпам³, цепляя девушек. А их было море, и каждая свежая девушка казалась мне хуже той, которая могла быть у меня после нее. Поэтому я никогда не останавливался на достигнутом. Деньги я зарабатывал, продавая манатки, купленные у поляков. Желания устроиться на постоянную работу у меня не возникало, и паспорт мне был пока ни к чему. Военный билет успешно заменял его на почте или где-нибудь еще.

За эти полгода я выпил цистерну вина и ведра три всевозможных коктейлей. В большинстве своем – без закуски. При этом никто никогда не видел меня пьяным. Потому что я имел свою меру. Точнее, мера имела меня. Я даже при большом желании не выдую больше двух бутылок вина. Что-то вдруг во мне переключается, и все – клямка⁴. Чернил я не пил категорически. Водки для меня не существовало. Я не любил дешевых крепких вин, ликеров, коньяков, одеколона, политуры и денатурата. Я пил только изысканные напитки, которые стоили тогда смешных денег, а продавались на каждом углу. Я смаковал чудесные полусухие вермуты из Югославии в литровых бутылках – белые и красные. Особенно «Бадель» и «Истру». От них не отставали также вермуты венгерские – особенно вишневый. Я в лирических размышлениях цедил сухие белые словацкие вина в пузатых литровых бутылках, часто смешивая их с «Баделем» в пропорции три к одному. Молдавский красный «Извораш» в паре с шампанским вставлял любую панну за считанные минуты. Дорогие теперь грузинские вина стоили четыре рубля, и я поднимался в небеса, перекачивая по небу терпкость их вкуса. Грузинские вина мог оценить только такой гурман, как я. Публика их покупала редко, предпочитая «биомицин» – белый крепкий шмурдяк. Венгерский «Токай» в приземистых полулитровых бутылках с годом урожая, румынские полусухие белые вина «Контари» и «Мурфатлар» в бутылках с длинными горлышками, в которые очень сложно было вогнать пробку, я мог пить и наедине с собой, и всегда держал в запасе на случай, если приведу панну домой. Алжирские красные, до черноты, суперсухие и супертерпкие вина для глинтвейна – я нагревал их на огне, добавив меда и гвоздики. От стакана португальского портвейна у меня кружилась голова – в нем было чуть ли не 25 градусов. Бутылки на двоих было вполне достаточно, чтобы почувствовать себя крутым чуваком.

² Старый обычай водить ряженого козой на Святки. Здесь: ходить, понемногу выпивая, от заведения к заведению.

³ Кафе, забегаловкам (*галл.*).

⁴ Ручка; здесь: конец, амба (*укр.*).

Я пил за свои и на шару, пил один и с друзьями, пил в кабаках, сквериках, парках, брамах⁵, пил в кинотеатрах и на стадионах, пил в подвалах и на крышах, в машинах и поездах, на деревьях и балконах, в травах и покосах, в озерах, морях и реках, в лесах, полях и кустах, в мастерских художников и в жилищах едва знакомых мне людей. Иногда я, проснувшись поутру в чужом помещении, не мог даже вспомнить имени хозяина или хозяйки. В таких случаях я старался незаметно исчезнуть, чтобы избежать обязательного опохмела. Синдром похмелья был мне неизвестен. Я пил с классными писателями, у которых не было возможности печататься, и с модерными художниками, которые демонстрировали свои картины исключительно в мастерских. Лучшие из них понемногу уходили в иные миры, так как не придерживались меры в выпитом, оставляя меня на произвол судьбы.

И вот в один солнечный июньский день я почувствовал, что с меня уже всего этого хватит и пора браться за ум. Пора устроиться где-нибудь художником-оформителем и продюсировать транспаранты, стенды, стенные газеты и прочую фигню, как делал это Грицко Чубай⁶. Заработок неплохой и, главное, не отнимает много времени. Когда мне пришла в голову эта мудрая идея, я вдруг вспомнил, что до сих пор так и не отметился в военкомате, и у меня нет паспорта, а без паспорта я никто. «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек», – вещала советская поговорка. Я полез в кладовку, вытащил на свет божий военную форму вместе с шинелью, развернул – и ужаснулся. Их побила моль! Мундир ко всему еще и покрылся какой-то липкой плесенью, поскольку в кладовке было сыро. Шинель пострадала меньше, но она вся осыпалась и белела личинками моли. Я принялся ее чистить и за час таки привел в порядок, но с мундиром был гиблый вариант. В таком мундире я никак не мог появиться в военкомате. В таком мундире я мог разве что рыться в мусорниках в поисках пустых бутылок. Но если надеть поверх военной формы шинель, то все будет в порядке. Я так и сделал, но прихватил еще с собой папку со штанами и рубашкой, чтобы переодеться после визита в военкомат.

И вот представьте себе картину. Лето. Солнце. Девушки в мини-юбках, мужики в рубашках с короткими рукавами. А тут прет какой-то варьят⁷ в тяжелой, до пят, шинели, застегнутой на все пуговицы. Хорошо хоть военную шапку-ушанку он не нацепил на голову, а спрятал в ту же папку. Этот варьят, обливаясь потом, садится в трамвай «четверку», выходит возле Оперного и далее устремляется в направлении Краковского базара. Но тут уже в центре он так натягивает на себя шапку-страшилку, потому что если он будет одет не по форме, без «головного убора», его моментально заметет военный патруль. Люди оглядываются. Варьят выглядит дико. За полгода у него отросли патлы, и он уже ничем не напоминает солдата славной Красной армии. Он скорее напоминает бойца из армии Нестора Махно. Тем более, что на ногах у него не солдатские ботинки или сапоги, а... сандалии. Ботинки он уже успел подарить своему папе.

На превеликое мое счастье, я не встретил по дороге никого из знакомых. Мое появление в военкомате вызвало немалый ажиотаж, секретарши не могли надивиться:

– Ты что, на северном полюсе служил? А под шапкой снега нет?

Комендант ошарашенно листал мой военный билет и не мог понять, почему я так долго – целых полгода – не мог до него дойти. Я что-то лепетал, потев под шинелью, которая грела меня в самые лютые морозы, и не смел расстегнуть ни единой пуговицы, чтобы не опозориться окончательно своим мундиром. Посопев, комендант поставил в билете печать, выдал мне паспорт, и я, сопровождаемый насмешками секретарш, вывалил на улицу. Нырнув в первую попавшуюся браму, я сбросил шинель и шапку и повесил на перила лестницы – кому-нибудь пригодится. Потом вынул из папки рубашку и штаны, переоделся, а парадную форму, побитую молью, запихал в папку и оставил ее там же, в подъезде. Через минуту я уже шагал по центру города,

⁵ Здесь: подъездах; также: воротах (*галич.*).

⁶ Украинский поэт и переводчик, яркий представитель львовского андеграунда 1970-х.

⁷ Ненормальный, человек со странностями (*галич.*).

ничем абсолютно не отличаясь от окружающей среды. Вы себе не представляете, какое это облегчение – вот так взять и раствориться в толпе; ты идешь, и никому нет до тебя дела, ты становишься человеком-невидимкой.

Но, не имея никаких дел в городе, я решил вернуться домой. И вот на остановке «четверки» случилось происшествие, которое стало началом целой полосы жизненных катавасий.

– Простите, вы не подскажете, где здесь можно пообедать?

Я вмиг вынырнул из глубин своих дум – передо мной расцвели две фантастические крали, их красота принадлежала к тому типу, на который вечно все заглядываются, любят и страстно жаждут заполнить, но жениться остерегаются.

Не знаю, какой меня черт дернул сболтнуть такое, чего не позволил бы себе ни один нормальный человек. Но попробуйте быть нормальным, когда рядом с вами такие ароматные создания – «шанель» номер три било в нос с расстояния метра. Вопрос звучал по-русски, но я, считая, что передо мной мои землячки, ответил по-украински:

– У меня, – еще и оскалил зубы, как это любят делать американские актеры в фильмах, которые мы покупаем.

Дамочки хихикнули:

– У вас? Вы что – официант?

– Нет, я поэт. Но живу рядом, и могу вас накормить кишкой⁸.

– Кошкой? – переспросили они и переглянулись.

И тогда я понял, что это не галичанки, ибо настоящую галичанку разбуди в три часа ночи и спроси о кишке, и она тебе моментально отбарабанит все восемь способов ее приготовления.

– Ага, – кивнул я, – кишкой. Это смаколик⁹, какой вам и не снился.

– Смакалик? – опять переспросили они, не прекращая хихикать, так, как это делали, наверно, очаровательные англичанки, когда встречали очаровательного аборигена.

Тогда уж я перешел на свой ломаный русский и объяснил, о чем речь, описав, конечно, и те восемь упомянутых способов. Понятно, что тут и камень пустил бы слюнки, а потому я не удивился, когда обе вскочили за мной в трамвай и даже милостиво презентовали талон.

Пока мы добрались до моего дома на Голоскове, милые девушки сообщили, что они из Одессы и работают в одесском цирке, который как раз прибыл к нам на гастроли.

Жил я в ту пору один в приветливом домике, который принадлежал когда-то моему дедушке. А кишку и другие вкуснейшие вещи передали мне из Станислава¹⁰ родители, потому что там, где они жили – на благословенной Софиевке, держали не только гусей, уток, кроликов, свиней и коз, но даже коров.

И вот, когда мы чавкали уже над второй сковородкой, панночки раскололись: никакие они не циркачки. Просто приехали во Львов погулять. Нигде не работают, но у каждой однокомнатная квартира в Одессе.

– Не знаю, корректным ли будет с моей стороны вопрос: на что вы живете?

Барышни не могли нарадоваться моей наивности:

– Какой же он милый, правда?

Что-то несмелое и туманное начало высвечиваться у меня в голове, неясная догадка представляла все на свои места, но сразу же находила сопротивление при мысли: а что сказала бы моя матушка, если бы узнала, что гордость ее кулинарного искусства – лучшую кишку всех времен и народов – жуют эти... эти... э-э... не знаю, как и сказать, ведь то смачное словцо, которое есть у моей мамы для данного хобби (напоминаю: был 1978 год, когда профессией

⁸ Она же кровянка, вид домашней колбасы, известное галицийское блюдо.

⁹ Вкуснятина, деликатес (*галич.*).

¹⁰ Или Станиславова, старое название Ивано-Франковска.

такое занятие еще не называлось), может вызвать у вас спазмы горла, и если вы случайно едите сейчас вареник, то лучше мне сдержаться.

– Да, он очень милый, – подтвердила вторая барышня и провела теплой ладонью по моей щеке.

У читателя может сложиться впечатление, что автор был намного младше своих гостей. На самом деле было наоборот. Мне было тогда двадцать шесть лет, а девушкам – по восемнадцать. Однако чувствовали они себя увереннее и раскрепощеннее, чем я, они сыпали островами, разговаривая вполне культурно, и лишь иногда вставляли какое-нибудь одесское словечко. Одну звали Марианна, а вторую Лена (на самом деле Александра, что ей очень не нравилось). Я их сразу перекрестил в Маруньку и Леську, на что они отреагировали сумасшедшим хохотом, но не протестовали.

Поев и запив львовским пивом, мои крали умостились на кушетку, закурили «Marlboro» и принялись рассказывать.

История одного греха

Дорога на панель для каждой из барышень пролежала своеобразно. Марунька в восьмом классе «втрескалась» в спортсмена-десятиклассника и отдалась ему на природе. Но, как оказалось, она была для этого спортсмена лишь очередным рекордом, достигнув которого он успокоиться не мог и отправился на преодоление новых барьеров. Ну, а Марунька, исключительно из желания забыться, влюбилась во второй раз. А потом в третий и четвертый.

В девятом классе учитель физики показал на свою ладонь и провозгласил, что скорее у него там вырастут волосы, чем Марунька перейдет в десятый класс. Тогда наша Марунька, не долго думая, «случайно» застаёт физика в его кабинете после уроков и так жалобно-жалобно, опустив стыдливо глазки, просит о консультации. Учитель был не железный, и тут-таки поймал такси и повез пылающую от любви к физике девушку к себе домой. Ровно в восемнадцать ноль-ноль урок был окончен, потому что должна была вернуться с работы жена учителя, а она почему-то не любила уроков на дому. Учитель ткнул Маруньке два рубля на такси, высказав убеждение, что одной консультации будет маловато.

Марунька счастливо переползла в десятый класс, хоть ладонь физика так и не покрылась волосами.

Позже, уже обладая опытом, она договорилась о консультации еще и с другими учителями. И даже с самим завучем. Можно было бы, правда, консультироваться и у директора, но это была женщина.

Думаю, вы не удивитесь, если я скажу, что Марунька поступила в Одесский университет на заочную форму обучения и на момент нашего знакомства окончила первый курс. Консультации ей предоставляли охотно, а некоторые преподаватели, «врубившись в струю», уже и сами загоняли Маруньку в глухой угол неудовлетворительными оценками, провоцируя таким образом уроки на дому. Послушная студентка не отказывала ни тридцатилетнему, ни шестидесятилетнему.

По этому поводу припоминаю, что была и в Станиславском пединституте тоже такая Марунька. Один профессор в годах держал пари в компании, что охотно проведет ночь с этой панной. Пари было принято единогласно. Если бы преподаватель не справился, то должен был подарить даме норковую шубу, а если бы оказался на высоте, ему должны были привезти на дом десять ящиков шампанского.

Итак, двое разомлевших от жары голубков заперлись в гостинице, и Венера благословила их улыбкой. Как назло, глупый мужик наглотался перед тем какой-то чертовщины, поскольку на собственные силы не рассчитывал, и вот во время апогея пошла у него горлом кровь и залила лебединую шейку несчастной студентки. Скандал был немалый, но, как говорится, под одеялом. Его быстро погасили, потому что преподаватель читал далеко не географию.

У Маруньки подобных эксцессов не было, но она рассказывала, что один профессор почтенного возраста приглашал ее к себе каждую неделю, поил заморскими винами и кормил с ложечки разными кремами, а потом гладил костлявой рукой по коленке, и, откинувшись на подушки, блаженно засыпал. Все это удовольствие стоило ему очень дешево, ведь Марунька, кроме вина и крема, не получала и ломаного гроша. Зато все сессии проходили на одном дыхании.

Такой способ проституции в советские времена был более популярным, чем обычный, за деньги. Кроме учебных заведений, где практиковались подобные «консультации», всяких Марунок культивировали и на предприятиях. Их держали всегда наготове, чтобы бросить в последнее наступление, потому что когда подводили все остальные методы, применяли этот. «Секретарша» шла на штурм очередной «неприступной крепости», которую не брала даже взятка. И вот уже от этой крепости оставались одни руины...

Выйдя замуж, некоторые из них продолжали заниматься любимым ремеслом. Я знаю один случай, когда муж поймал свою жену с поличным точно как в банальном анекдоте, вернувшись досрочно из командировки. Ясное дело – бились морды, текло из носа, рвалась ночная рубашка и летела на пол массивная хрустальная ваза, о которой загодя было известно, что она не разобьется. Клиент в шоковом состоянии сгребал манатки и давал деру чуть ли не сквозь вентиляционное отверстие. А потом... потом дорогая женушка, когда ей удалось перекричать мужа, начала тыкать пальчиком и в то, и в се, и в это, и вот в это, и даже вытащила потайную шкатулку, набитую колечками, швырнула под ноги мужу его джинсы, костюмчик «Мистер Д» и пятнадцать таких же рубашек, и дубленку, и еще бог весть что, а затем спросила нежно-нежно: «А не задумывался ли ты, мой кохасик¹¹, откуда все это взялось? Не на твою ли инженерскую зарплату?.. А вот это?» – и тут она давай выбрасывать из холодильника салыцесоны¹², колбасы и жестянки с черной икрой, и еще всякие там марципаны, которые многим из нас и не снились. А еще открыла бар и хрясь фигурной бутылочкой бананового ликера о паркет: «А это откуда? На твои медяки?»

Муж, лакая с паркета драгоценный ликер, начинает шибать себя в грудь и клясться, что такого больше не повторится, а потом оба легли в еще теплую постель, и он, теперь уже хлюпая носом, потихоньку успокоился и попросил прощения.

К радости заграничных туристов, советские проститутки были самыми дешевыми в Европе. Меньшей такса была только у проститутки Вьетнама или Филиппин, где к иностранцам существовал такой же пиетет. Когда-то африканки и полинезийки отдавались белым за всякие цацки, зеркальца, шкатулочки, бусы. В Союзе же иностранец получал ночь любви за помаду, бюстгальтер, духи, чулки или просто за набор противозачаточных пилюль. Зато гражданин Страны Советов у себя дома мог получить любовь за шампанское, или, как говорилось, «за стол».

Однако существовали проститутки и значительно более высокого сорта, намного дороже. Их было меньше, назывались они путанами и были настоящими мастерицами своего дела, к ним обращались за консультацией, чтобы перенять опыт. Московские путаны ценились выше всего, поскольку имели возможность побывать за границей и пройти практику на площади Пигаль или в других соответствующих институциях. Наши же провинциальные проститутки особыми талантами не отличались, и лишь благодаря урокам у путан и просмотру порнокассет более-менее подняли свою квалификацию.

Летом, когда проститутки всех возможных мастей катятся на юг, каждый курортный городок сразу оживает и на глазах молодеет. Это всесоюзный симпозиум жриц любви начал свою работу. Идет широкий обмен информацией, распространяются порножурналы, видеокассеты, порнофотографии и всякая всячина.

¹¹ Любимый (галич.).

¹² Мясное изделие типа зельца.

История второго греха

Рассказав о Маруньке, мы наконец добрались до того места, где читатель должен узнать, как и почему они с Леськой оказались во Львове.

Итак, Леськина карьера имела семейные традиции – проституткой «работала» ее мама, а когда Леське исполнилось пятнадцать лет, матушка заставила ее лечь с клиентом за две бутылки шампанского. Однако дочь живо сообразила, что зарабатывать можно много больше, и убежала из дому. В каком-то баре познакомилась с амбалом лет тридцати пяти, который предложил пожить у него. Именовался он Фима Прицкер по прозвищу Шкаф, по-нашему Шафа. Был он толстый и широкий. У Шафы «на хате» оказались все условия для ускоренного полового созревания – большая коллекция порножурналов, которые постоянно пребывали в обороте, поскольку Шафа ими фарцевал¹³. Пройдя курс обучения, Леська поняла, что не любовь руководила самаритянским поступком Шафы, а обычные деньги. Шафа оказался еще и сутенером.

Они и дальше жили вместе, и Шафа даже обнаруживал признаки нежности, но теперь уже Леська зарабатывала деньги и была кормилицей «семьи». Шафа сам выбирал клиента, договаривался с ним, сдавал ему на руки Леську чуть ли не под расписку и принимал назад. Отводил на работу и приводил с работы. Деньги делили поровну. Чем не идиллия?

И была бы эта идиллия бесконечной, если бы Шафу как-то раз не «поставили на перо» – то есть пригрозили ножом. Дело в том, что у Шафы был один недостаток: он играл в преферанс на деньги. Раз выигрывает, раз проигрывает – всякое бывало. Это когда играл со своими. Но как-то проиграл он неизвестным людям четыре тысячи. Думал – поставит ресторан и обойдется. Ан нет. Эти люди включили «счетчик», каждый день росли проценты, а хитрые ребята спокойно ждали, пока Шафа метался, как загнанный лев. Леська даже попробовала соблазнить этих людей, но ничего из этого не вышло. «Четыре тысячи или перо в печенку», – ответили они.

Как-то вечером Шафа вернулся избитый. Леська смывала кровь, мазала йодом и кремами, а Шафа горько плакал:

– И откуда мне взять такие деньги? Они что думают? Они думают, что Шафа – миллионер? А Шафа – бедный еврей. У Шафы иногда нет даже трех копеек на трамвай.

Его большое волосатое тело содрогалось от плача. Леська плакала тоже. Шафа был добрым и относился к ней по-братски.

А в следующий раз Шафа куда-то пропал и не вернулся домой. Такого с ним не бывало, Леська обзвонила всех знакомых, затем начала трезвонить по больницам, но все зря. И лишь утром громкий стук в дверь оповестил, что случилось что-то нехорошее. Стучала соседка. Она только что спустилась в подвал, а там... там...

Леська стремглав помчалась вниз. В подвале, загородив узкий проход, лежал мертвый Шафа. Побитый и в крови. В окровавленном рту было полно стекла.

Леська вернулась назад позвонить его родным, пока соседи вызывают милицию, и что же она увидела? Та самая соседка, которая нашла тело, хозяйничала теперь в квартире. На полу валялась одежда, выдвинутые ящики, постель... Леська бросилась на соседку и дернула ее за волосы. Та зашипела:

- Дура! Сейчас приедет милиция! Все пропадет! А тут деньги! Большие деньги!
- Какие деньги? У Шафы не было на трамвай! Его убили из-за денег!
- Дура! Шафа – буржуй!

Леська остолбенела. Соседка, пользуясь этим, возобновила раскопки, и таки нашла, что искала. В корзине с грязным тряпьем было двойное дно. А там – пакет. Считать было некогда.

¹³ Спекулировал (укр.).

Соседка на глаз разделила деньги на две части, ткнула одну девушке и исчезла со второй. Через минуту она вернулась и помогла прибраться.

– Это еще не все. Должно быть и золото.

– Но как же так? Как же так? – всхлипывала Леська. – Должен был четыре тысячи... Мог же отдать...

– Ты Шафу не знаешь. Он так любил деньги! Жил ради них. Иногда придет ко мне: «Тетя Сима, у вас не найдется двух копеек? Мне нужно из города позвонить...» Никогда не возвращал... Душевный был человек... Только где же он золото спрятал? Пропадет ведь все...

– Господи, что мне делать?

– Я бы на твоём месте, голубушка, бежала куда глаза глядят. Замотает тебя милиция, закрутит... Беда будет.

Леська, не долго думая, упаковала чемоданчик и, благословляя рассудительность и неспешность нашей милиции, выпорхнула из дома.

Через несколько дней вместе со своей подругой Марианной покинула она и Одессу. У нее было с собой шесть тысяч – наследство Шафы.

Я – сутенер

Вволю натрепавшись языками, девушки сообщили, что им пора бы уже выйти куда-нибудь в люди, скажем, в ресторан.

– Какой у вас тут во Львове ресторанчик с интуристами?

Я подумал, что в «Интурист» (нынешний «Жорж») мы можем и не попасть, и предложил «Львов». Девушки пригласили меня с собой, чтобы я мог воочию увидеть, как выглядит их «работа». Я охотно согласился на предложение. В ту пору я жадно изучал жизнь. Девушки наметанным глазом окинули мой непритязательный гардероб и остановили свой выбор на джинсах и свитере. С туфлями у меня было невесело. Фирмой не пахло. Произведение родного «Прогресса» могло отпугнуть клиента.

Девушки решили разыграть небольшой спектакль. Вместе мы должны были притворяться студентами-греками, которые учатся во Львове. Такая затея пришлась мне по вкусу. Не важно, что по-гречески я знал только общеизвестные термины типа «альфа» и «омега». Зато у обеих «гречанок» имелось на подхвате несколько дюжин необходимых для их профессии фраз, которых они нахватились в Одесском порту. По дороге они научили меня некоторым из них, и еще десятку слов, имеющих для нас кодовое значение («да» – «ясу», «нет» – «охи», «черт бы тебя побрал» – «гамота панагия»).

Итак, мне, как греку, фирменные мешты¹⁴ были просто жизненно необходимы.

– Ничего, идем, – сказала твердо Марунька, испытывающая ко мне какое-то особое, чуть ли не материнское чувство.

И мы пошли. Почти напротив гостиницы «Львов» был скверик и автостоянка, где парковались польские автомобили. Тут вечно крутились фарцовщики, скупая у поляков всякое барахло. Но все же это был не слишком спокойный бизнес, так как время от времени совершала набеги милиция, и, когда ей удавалось кого-нибудь сцапать за скупкой джинсов или рубашек, сразу загребала в отделение. Поэтому все торги совершались молниеносно, чем, конечно, пользовались поляки, и иногда подсовывали шмельц¹⁵.

– Вы оба посидите в скверике, а я сейчас вернусь, – сказала Марунька и направилась к польским машинам.

Мы сели с Леськой на лавочку и прижались, как парочка влюбленных. Но я не сводил глаз с Маруньки, которая вступила в переговоры с водителями, живо жестикулируя и тыча пальцем куда-то в необозримую даль. Наконец какой-то поляк вылез из машины, деланно равнодушно оглянулся по сторонам и направился в подъезд, а моя дорогая подруга – за ним.

– Во дает! – рассмеялась Леська.

– Как? Она что... там... в бреме? – пролепетал я с нескрываемым сожалением, в котором слышалась чуть ли не ревность.

– Обстоятельства требуют, – сказала Леська и протянула мне спички, чтобы я прикурил ей сигарету, а когда я хотел вернуть коробок, добавила: – Держи у себя. Учись обслуживать дам. Ты теперь грек, а не рагуль¹⁶.

Я небрежно развалился на лавке и подумал: «Я грек, а не рагуль. А до этого времени я был рагулем и ничего не знал о настоящей жизни. А она здесь, рядом. И я грек. И рядом со мной моя гречанка». Я положил руку Леське на плечо и засвистел «Гуцулку Ксеню». Мимо нас прошел милиционер, и все, кто еще несколько секунд назад прилипал к польским автомобилям, вмиг

¹⁴ Туфли (галич.).

¹⁵ Брак, хлам (галич.).

¹⁶ Прimitивный, невоспитанный человек (галич.).

поотлипали и стали озабоченно смотреть кто куда с такими минами, будто у каждого из них прямо из-под носа ушел трамвай.

Я и моргнуть не успел, как вдруг перед глазами возникла Марунька и бросила мне на колени пакет.

– Ну, снимай свои шузы.

В пакете лежали чудесные кофейные фирменные мешты. Только чуть потертые.

– «Саламандра». Чего присматриваешься? Это даже хорошо, что ношенные. Натуральней выглядеть будет.

Тут она нагнулась, подхватила мои «прогрессовские» антитифли и грациозно опустила в урну.

– Это же надо, еще только вчера я купил к ним новые шнурки, – вздохнул я, обувая «Саламандру».

Мешты были как влитые. Вот так, дорогие мои, и становятся альфонсами.

– Откуда ты знаешь мой размер?

– Глаз надо иметь. Идем. Надо еще занять подходящий столик.

– Даешь Львов! – бодро воскликнула Леська, а мне захотелось ответить полным отчаяния «по rasagan!», однако я удержался, ведь при их расположенности к иноязычным фразам может статься, что и эта им знакома.

У входа в ресторан толпились джинсовые «мальчики» и пламенные «девочки». Дверь ресторана открывалась только в семь, но уже с шести публика занимала под дверью очередь, иначе попасть внутрь было невозможно. Часы показывали пятнадцать минут седьмого. Я думал, что мы подождем вместе со всеми, но Марунька протолкалась к двери и начала лопотать что-то по-гречески, местами вставляя русские слова. Швейцар склонил набок умную голову и внимательно слушал. Иностранцами его удивить сложно. Внезапно Марунька щелкнула по стеклу пальцами, и швейцар враз очнулся, на его лице появилась заинтересованность. Три пальца Маруньки ударяли по стеклу с какой-то еле уловимой периодичностью. Никто на это не обратил внимания, и, может, только потому, что я не сводил с них глаз, эти удары пальцами казались каким-то таинственным знаком. В конце концов об этом говорило и поведение швейцара: он понял пароль, открыл двери и пустил нас внутрь. Марунька ткнула ему что-то в руку, а он кивнул головой в сторону свободного столика под окном.

Ресторан не был полностью пустой, как это казалось с улицы. За одним столом сидела толстая размазанная профура¹⁷ туманного возраста. За другим – две совсем молоденькие девочки.

– Соски, – фыркнула Леська, обозначая специфику их профессии. А когда мы сели, описала, какие именно детали одежды и косметики говорят об этом. – Видишь, какие у них нарумяненные щечки? Только соски так красятся. Это они любят повязывать себе цветные бантики, надевать белые гольфы и короткие юбочки школьного кроя. Они, как и все остальные проститутки, всегда тусуются парами.

– Какие же у нас будут имена? – к месту спросила Марунька.

– Ну, ты можешь оставаться Марианной, – ответила Леська. – Я буду Елена, а он – Коста.

– Мне больше нравится Никос, – сказала Марунька.

– Казандзакис, – уточнил я.

– Что?

– Был такой греческий писатель. Никос Казандзакис.

– Не надо нам писателей, – категорически покачала головой Леська. – Будешь Коста...

Ах, мио, мио Коста!.. – Она мечтательно откинула голову, а секунду спустя процедила сквозь зубы: – Жмот... Подарил мне французский коньяк, и сам его выжрал за ночь.

¹⁷ Проститутка.

– А ты где была?

– В трансе.

Тут швейцар милостиво распахнул двери, и ресторан наполнился шумом. Толпа моментально обседала столы. Но далеко не все. Несколько столов остались свободными, однако швейцар снова закрыл дверь и повесил табличку «Извините. Мест нет». Теперь настал его звездный час. Далее он будет впускать лишь отдельными группами, детально выяснив, сколько должно быть человек, а администратор даже поинтересуется, что именно они собираются заказать на ужин, ведь вдруг они за бутылкой пива собрались гулять до полуночи.

В тот вечер за пятью столами «работали» двенадцать проституток. «Мои» сидели за шестым столом, но проститутками не были. Потому что были греками. Сколько еще в зале было таких «греков», сложно сказать.

Швейцар, имея с проститутками договоренность, лично направлял потенциальных клиентов за их столики. Одних – по их личному заказу, а других – по заказу самих проституток. Этим он похож на уличного регулировщика. После жеста, указывающего направление движения денежного клиента, проститутки поднимают головы и настороженно провожают взглядами каждого из них. Вот два грузина уже что-то нашептывают швейцару, и тот, кивнув, показывает рукой на наш столик.

– Внимание, – шепчет Елена и пригубливает шампанское.

У нас на столе кроме бутылки шампанского и тарелочки с конфетами больше ничего нет. Я тяну шампанское и пытаюсь не смотреть на грузин. В этот момент я чувствую себя такой же проституткой, как и мои новые подруги. Глупая фраза из глупого анекдота начинает мигать в мозгу: «Ох, не могу – сейчас отдамся». Чувствую, как тихо-тихонечко опускаюсь на дно и становлюсь там своим чуваком, а дно – моей стихией. Я – грек, альфонс и потаскун.

Грузин: Извинит. Ки вам можно?

Елена: Миса арахис.

Марианна: Еси ясу... ясу...

Коста: Да, да... пожалуйста... ясу...

Грузины садятся как-то очень осторожно, как будто их предупредили, что кресла сделаны из чешского стекла. Обоим под сорок. Здоровенные мужики. Такой как трепанет, думаю я, неизвестно, где окажешься.

Некоторое время царит молчание. Мы втроем изображаем полное равнодушие. Девушки курят, я попиваю вино. Грузины медленно созревают. Наконец один засвечивает золото зубов:

– Вы иностранец, да? Или местный?

– Наверно, местный, – прибавляет второй.

– Мы – греки, – объясняю на ломаном русском. – Мы учимся в Львове.

– О, греки! – восхищенно восклицают грузины. – А мы – Колхида, да? Помнишь? Язон, Медея, Аргос? Залатой руно?! А? Помнишь? Адисей, да?

– Ясу! – вскрикиваю я, как будто встретил после долгих скитаний родного брата, и мы бросаемся друг другу в объятия. – Ясу! Колхида!

– Вашь – Язон, нашь – залатой руно, да?

– Ясу! – опять радуюсь я и жму им обоим руки.

– Куда девал залатой руно, а? Это типер валюта, да? А ты забрал, ничего не дал!

После этого происходит знакомство. Грузин звали Теймураз и Отар. Они очень быстро уяснили себе тот важный факт, что я – брат Марианны, а Елена – не моя девушка. То есть обе гречанки были свободны. Это очень обрадовало грузин, и они, позвав официанта, заставили стол снедью и напитками.

Далее все шло как по маслу. Играл оркестр, грузины танцевали с очаровательными гречанками, деликатно расставляя сети и заманивая в них «невинных пташек», хотя на самом деле сами уже были в сетях с того самого момента, как переступили порог этого ресторана.

Гречанки принадлежали к мастерицам своего дела и «снимались» очень медленно, уступая с каждым танцем лишь незначительную часть территории.

А в это время я сидел за столом, позабыт, позаброшен, исследуя все вокруг опытным глазом сутенера. Ведь если посмотреть на ресторанный зал глазами рядового посетителя, то можно увидеть лишь людей, занятых разговорами, едой, напитками и танцами. Граждане после трудового дня решили немного отдохнуть. Ничего занимательного. Но это только на первый взгляд. Попробуйте присмотреться внимательней, задерживая взгляд на каждом из столиков немного дольше... Нет-нет, не так – еще внимательней... Видите? Перед вами не просто зал. Перед вами тяжело трудится могучий цех! И пусть не слышно ни ударов молота, ни скрежета металла – работа кипит и приносит прибыль.

Вот за соседним столом сидят четыре фарцовщика и играют в «чмен». В пальцах они держат веером красные десятки, которые переходят из рук в руки. Игра простая – нужно отгадать сумму серийных цифр на банкноте. Они не спешат, размышляют, анализируют. Это напоминает игру в карты, но играть в карты в ресторане запрещается, вот и играют в «чмен».

За другим столом – поляки, как всегда шумные, с морем алкоголя на столе. Такое впечатление, что поляки только во Львове отрываются «на цалого»¹⁸, тут они прогоняют через себя декалитры водки. Выгодно распродав товар, квасят теперь, аж гай шумит. Над ними, облокотившись на стол, склонился «съемник» – фарцовщик, который снимает клиентов. Видно, не весь еще товар продали «франеки», как прозвали их львовские фарцовщики. Вот полька вытаскивает из-под стола спортивную сумку, раскрывает, «съемник» озирается по сторонам, не появилась ли в ресторане милиция, только после этого заглядывает в сумку, щупает рукой, кивает и выпрямляется. Полька берет с собой другого поляка, и, подхватив сумку, они шагают за «съемником».

Между столиками с деловым видом снует какой-то курдупель¹⁹. Роста малого, но накачанный сверх меры – непропорционально широкие плечи и грудь колесом. Он не танцует, но это не значит, что ритмы музыки проплывают мимо его ушей – он реагирует на них каждым своим движением. Он всех знает, со всеми здоровается, даже с приезжими поляками.

– Честь²⁰, Франь!

– Serwus, Zbychu! Sie masz? Dzisiaj twój dzień, nie?

– Gdzie tam mój! Sluchaj, te wasze menty! Juz tutaj mam ich! – Збышек чиркает ладонью под горлом. – Dzisiaj jedno auto zawrócili do Polski! Nawet towar nie zdołałem przepakować. Mamy srany dzień. Ale siadaj do nas.

– Nie, dzięki, jestem w pracy.

– Ano, tak! – горочет Збышко. – Musisz pracować, ja twoją pracę znam. Jak skończysz – przyjdź do nas. Mamy także ślicznych panienek. Popatrz na Dorotę²¹. Дорота, Дорота, візьми до рота!²² – запел поляк по-украински.

– Stul pysek, draniu! – твякнула пьяная Дорота.

– A widzisz, jaka piękna?²³

Франь-курдупель дефилирует дальше, ловко обходя кресла, вытянутые ноги, танцующие пары. Он то исчезает из поля зрения, то неожиданно появляется, подходит к одному столу,

¹⁸ По полной (польск.).

¹⁹ Коротышка, низкорослый человек (польск.).

²⁰ Привет (польск.).

²¹ Привет, Збых! Как ты? А что, сегодня твой день? – Где там мой! Слушай, эти ваши менты! Они мне уже вот где! Сегодня одну машину завернули в Польшу. Я даже товар не смог перепаковать. Пересрали нам день. Садись к нам! – Нет, спасибо, я на работе. – Ах, ну да! Ты должен работать, знаю я твою работу. Как закончишь – приходи. У нас тоже панянки красивые. Посмотри на Дороту (польск.).

²² Дорота, Дорота, візьми в рот! (Укр.)

²³ Закрой рот, паскудник! – А видишь, как хороша? (Польск.)

к другому, наклоняется, перешептывается, осматривается. Вот переговаривается с двумя проститутками, внимательно пробегаёт взглядом по залу и останавливает свой взгляд на нас. Взгляд этот не предвещает ничего радостного, взгляд изучает каждого. Когда он останавливается на мне, я небрежно зеваю и тянусь за шампанским. Я расслаблен и спокоен, как никогда. От выпитого душа рвется на просторы, хочется прижаться к чему-нибудь теплому и упругому.

Через несколько минут вижу курдупеля уже возле сосок. Похоже на то, что они чем-то недовольны, их соседи по столу, двое лысеющих с животиками дяденек, вышли покурить. Когда они появляются снова, курдупель перехватывает их на полпути, и начинается торговля. Соски следят за ней с нескрываемым интересом. Я тоже. Дяденьки выразительно сбивают цену. Курдупель стоит на своем. Жесты его недвусмысленны: или-или. Наконец, когда уже пришли к соглашению, курдупель делает знак пальцами, и обрадованные соски выплывают из-за стола, чтобы в сопровождении дяденек покинуть зал. Так работают настоящие сутенеры.

Вернувшись назад, соски застают за своим столом уже представителей Средней Азии в тюбетейках.

А курдупель все плетет и плетет свою паутину... Меня, однако, беспокоит, что он слишком часто поглядывает в нашу сторону. Правда, я не танцую, и то, что я рассматриваю зал, действительно может вызвать подозрение. Осмотрев танцующие пары, вылавливаю глазами чудесную блондинку в таких тугих джинсах, что все соблазнительные выпуклости – как на ладони. Она отплясывает с каким-то порядком захмелевшим пиццыком²⁴, явно не кавалером. «Ах, Адеса, жемчужина у моря! Ты, Адеса, знала многа горя». Когда музыка заканчивается, я все еще продолжаю следить за блондинкой. Пиццык подводит ее к банкетному столу, где разместились человек двадцать, и садится напротив. На столе – букеты цветов, которые свидетельствуют о том, что народ гуляет чей-то день рождения.

При первых звуках музыки я пересекаю расстояние, которое нас разделяет, и приглашаю блондинку на танец. По дороге разминаемся с курдупелем.

– Сервус, Надя! – бросает он, вонзив свои глаза прямо в меня.

– Привет, Франь! Ты почему меня не поздравляешь?

– А с чем это?

– С днем рождения!

– Неужели? Ну, все – фалюю²⁵ за шампанским.

– Одним шампанским не обойдется!

Но тут нас подхватывает вихрь танца, и Франь пропадает.

– Я вижу, этот Франь знает весь ресторан.

– А как же! Такая у него работа.

– Какая именно?

Надя смеется и избегает ответа. Она захмелела, и ее глаза сияют безграничной радостью.

– И сколько вам сегодня стукнуло?

– Восемнадцать.

– Поздравляю. А можно, я вас поздравлю шампанским? Обещаю, что одной бутылкой не обойдется.

Дальше я выясняю, что Надя работает секретаршей в научно-исследовательском институте на Лермонтова. Еще успеваю вытянуть из нее номер телефона, и танец заканчивается.

– Не забудьте про шампанское, – смеется Надя, когда я, проводив, поддвигаю ей кресло.

Пригласить ее на следующий танец не получилось, поскольку музыканты сделали перерыв, и за нашим столом снова стало шумно. Вот Теймураз начинает выпрашивать у Марианны, в чулках она или в колготках, а когда узнает, что в чулках, то выясняет, где именно

²⁴ Здесь: типом (галич.)

²⁵ Иду (галич.).

они заканчиваются. Руки Отара уже пустились в кругосветное путешествие по Елене. Все нормально. Я рад за них.

Выхожу в уборную и сосредоточенно расчесываю буйный тогда еще чуб, жмурясь от клубов дыма. Вдруг замечаю за своей спиной курдупеля, рука с расческой застывает. Он улыбается, но лицо его сурово, даже жестоко. Перебитый нос, шрам на щеке. У меня тоже перебитый нос и шрам на виске. Но почему-то не такой грозный вид. Да и бицепсами я похвастаться не могу. Он кивает в сторону, и я послушно отхожу подальше от курильщиков.

– Под греков работаете?

Вопрос застаёт меня врасплох, и я на всякий случай трясую головой, одновременно лихорадочно обмозговывая какой-то ответ. Но какой может быть ответ?

Лучше всего – прикинуться подвыпившим. Как он меня раскусил?

– Давай без фокусов, – изрекает Франь. – Я за тобой давно наблюдаю. Выйдем, поговорим.

В фойе он выбирает безлюдный угол.

– Что это за телки с тобой? Я их раньше не видел.

– Из Одессы.

– За чужую территорию нужно платить. Ты этого разве не знаешь?

– Знаю.

– А они об этом знают?

– Они – нет. Они просто отдыхают. И я тоже.

– Шлангом прикидываешься? Ты слышал о Фране Короле?

– Нет.

– Это я.

– Очень приятно. Юрко.

– Прекрати хохмить. Я тебя узнал. Я с твоими договорился, что Збоиска и Голоско – ваши. До «Ватры» включительно. Мало?

Он принял меня за кого-то другого, но за кого? Что ему ответить? Здесь мы не очень-то и одни. Два каких-то збуя²⁶ вертятся неподалеку и поглядывают исподлобья... Доигрался. Будут бить. Или не будут? Нет, все-таки, наверное, будут. Такие бить любят.

– Ну, ваши тоже не раз нарушали территорию, а я делал вид, что не заметил.

– Ты о Шиньоне? Это же дурак! Да и когда это было? Но после того, как ты расправился с этими чудиками с Подзамче, я тебя зауважал. Да и для Шиньона ты авторитет.

И тут я вспомнил! Боже мой! Я вспомнил, за кого он меня принимает!

Это было зимой в кафе «Ватра», неподалеку от гостиницы «Львов». Кафе «Ватра» в позднее время превращалось в гадюшник, в котором догонялись все, кто еще не принял своей дозы. Мы с Виктором забрели туда с очень простой целью – снять парочку кожанок²⁷ на субботний пикник в лесу. Как назло, в «Ватре» уже заседала одна пьянь, несколько прокуренных штахет²⁸ погоды не делали, и нам не оставалось ничего лучшего, как и самим догнаться на сон грядущий. Вдруг к нам подошли цыгане со Збоиск и спросили:

– Вы цыгане?

Виктор и правда был похож на цыгана. Хотя в действительности таких здоровенных среди цыган мне видеть не приходилось. Кроме того, он комик. Он мог веселить любую публику и сыпать сто слов в минуту. С ним было очень выгодно шлаться по кнайпам. Я никогда не умел моментально подыскать первой фразы для знакомства с барышней. Как правило, я выдавли-

²⁶ Амбала (галич.).

²⁷ Подруг (галич.).

²⁸ Здесь: женщин, отличающихся излишней худобой.

вал ее из себя уже тогда, когда танец заканчивался или панна выходила из трамвая. Виктор брал эти первые реплики прямо с потолка. Начиная от банального «Девушки, вы сестры?», до галантного «Боже, какие у вас очаровательные глазки!», или «Девушки, это не вы потеряли десятку? Нет? Прекрасно, пропьем вместе». Когда панны заглатывали эту нехитрую наживку, на сцене появлялся и я. Главное – не давать им прийти в себя и завалить их лавиной слов. Я брал интеллектом, Виктор – словесной мишурой. Вместе мы составляли прекрасную пару, разыгрывая как по нотам весь спектакль. Но и мы иногда терпели поражение. Если за столиком сидели две одинокие панны, то это не означало, что они свободны. Они могли дожидаться своих кавалеров. Услышав: «Мы ждем наших молодых людей», я моментально скисал и утрачивал интерес к разговору, мое метанье бисера прекращалось и я переключал внимание на бокал, но Виктора это не останавливало.

– А, я знаю, кого вы ждете! Тех двух даунов с Кульпаркова?²⁹ Такие красивые девушки, ай-яй! А вы разве не знаете, что они там лечились? Говорю вам! Я там доктором работаю.

Если в этот миг появлялись их молодые люди, а, как правило, это были тихие интеллигентные студенты, Виктор, который уже успел узнать их имена, восклицал:

– Чуваки! Вас уже выпустили? Как там доктор Брунь? Мне пятая палата привет не передавала? Бодюля! У тебя чего такой кислый вид? Опять клизму ставили?

В тот фатальный раз, когда к нам подошли цыгане, он тут же оценил ситуацию и выпалил:

– Ага, мы цыгане! – и радостно закивал головой.

Я рассмеялся, не зная, к чему это ведет.

– Тогда идем пить шампанское.

Радости Виктора не было предела: о, класс – на шару!

Мы подсели к обществу цыганских ребят и принялись заливаться шампанским. Морем шампанского! Я его в жизни столько не видел. Оркестр играл раз за разом цыганские песни и танцы. Братва гуляла. И не беда, что очень скоро раскрылось наше далеко не цыганское происхождение. Ведь поили нас совсем не задаром. На улице всю эту большую компанию подстерегала компания еще больше. И в воздухе пахло мордобоем. Я видел, как под столом щелкали ножи, прятались в рукава стальные пружины. Кто-то приладил на шпиг³⁰ ботинка осколок лезвия. Ого! Дело серьезное. Я увял, как не политый гладиолус. Зато Виктору было море по колено. Драка так драка. Ему что – мужик здоровый, как бык. До его физиономии не так-то легко достать кулаком. А я вообще миролюбивое создание. Не хотелось мне драться. Даже за шампанское. Даже за море шампанского.

Но решающий аккорд неумолимо приближался, и сколько я не приговаривал, как Фауст: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», мгновенье не останавливалось, а ползло и ползло вместе с секундной стрелкой. И вот наконец нас спровадили из кафе, мы вышли на улицу, дверь за нами закрылась, отступать было некуда. Нас сразу же окружила кучка шпаны. Не знаю, какие силы в тот момент руководили мной, но это был единственно правильный в той ситуации поступок. Я быстро отыскал глазами их главаря и, бросив Виктору: «Прикрой, если что», одним прыжком преодолел расстояние, которое нас разделяло. Нож мне подсунул кто-то из цыган еще под столом. Я напал со спины, и это позволило мне неожиданно сгрести правой рукой парня за шею и стиснуть с такой злостью, что он даже хрипеть начал. Зато не брыкался – ведь лезвие ножа зловеще поблескивало перед глазами. Все это произошло в считанные секунды. Нужно отдать должное цыганам, ведь мы предварительно не договаривались о сценарии боя, а они сориентировались на диво молниеносно и бросились молотить растерянных подростков. То тут, то там взлетала вверх и тяжело опускалась на головы железная правая рука Виктора. Он колотил ею, как молотом, казалось, после такого удара голова может расколоться, как тыква.

²⁹ Район Львова; известен находящейся там больницей для душевнобольных.

³⁰ Носок (укр.).

Трещали рубашки, пиджаки и зубы. Брызгала кровь и звучали вскрики и боевые возгласы. Я огляделся – спиной к моей спине стоял цыган с пружиной в руке. Это такой стальной прут, который складывался, как антенна, и когда им размахивали в воздухе, то пружина выстреливала и пронзительно свистела. Перед цыганом плясали несколько мальчуганов с намерением спасти своего атамана. Но пружина – штука опасная, можно остаться без глаза или без носа, она с легкостью рассекала кожу. Цыган, очевидно, понял всю важность моего поступка, защищая меня со спины, и я был ему глубоко признателен.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Ося. А тебя?

– Юрко.

– Ты еще держишься?

– Я – да. А ты?

– Пока что.

Стресс быстро отрезвил меня и я начал заметно падать духом. Долго ли я так выдержу? Может, пора бы бросить все к чертям и дать деру? На трезвую голову я бы никогда ничего подобного не выкинул... О боже, сколько это будет продолжаться?... У меня уже онемела рука. Если бы этот дурак хорошенько рванулся, то мигом оказался бы на свободе. Но он, на свою беду, не знал, что я не цыган, а обыкновенный писака, и мой боевой запал уже успел испариться. Но тогда это было моим счастьем. Он послушно стоял в моих объятиях и только сопел.

Цыгане дрались, как львы, но подростков было больше, они бросались по несколько на одного, валили с ног и безжалостно пинали бутсами. Вот уже и Виктор грохнулся на асфальт, и его потащили за ноги, он беспомощно извивался, пытаясь встать, но безуспешно. Алкоголь делал свое темное дело. Ситуацию спасла милицейская сирена. О, она звучала, как пение райской птицы, как шепот любимой в три часа ночи...

Теперь бежать было не стыдно. От милиции удирают даже гангстеры и мафиози. А мне – так сам Бог велел. Я резко оттолкнул парня, чья-то рука с ножом еще успела черкануть мне по рубашке, но такая ерунда меня не остановила – я помчался вихрем, а рядом летел, заплетаясь ногами, охая и матерясь, Виктор. Впереди и позади нас бежали цыгане, подбодряя друг друга выкриками.

Позже, когда мы отдышались где-то аж на Городничей, цыгане бросились нас обнимать, жать руки и тащить к себе в гости. И Виктор был готов уже продолжить развлечение, но с меня было довольно. Я забрал его к себе домой, мы повалились на диваны и заснули. Только утром я почувствовал боль в левом боку – нож все-таки рассек мне кожу, и на ране запеклась кровь. Но это была мелочь – Виктор со своими попинанными ребрами кряхтел и стонал еще неделю.

– Ты там был? – спрашиваю курдупеля, всем своим видом давая понять, как мне это приятно.

– Да. Я сидел в машине и все видел. Ты молодец... Муровый³¹ из тебя мужик... Но закон есть закон. Даром – за амбаром. А тут платить надо... И до каких пор ты собираешься со своими сюсями у нас гастролировать?

– Недолго. Может, несколько дней. Мы же отдыхаем.

– О'кей! Через две недели у меня важное мероприятие. Одолжишь мне своих людей. Машины я дам.

Итак, он меня принимает за человека, который находится в постоянных контактах с цыганами.

– Где мероприятие? – спрашиваю я деловито.

– В Малехове. Есть там одно дельце...

³¹ Мур – стена; здесь: крепкий, надежный (укр.).

– А точнее?
– Ну, тебе прямо сразу весь план распиши, карты выложи! Расскажи, покажи, дай пощупать. Не переживай, дело несложное.
– Восьми человек будет достаточно?
– Наверное... – И неожиданно: – Соску хочешь?
– Нет, спасибо.
– Шара! Только для тебя.
– В другой раз.
– Ну, ты не стесняйся. Подходи в случае чего. Мы теперь кумпели³², а?
– Я вижу, ты знаешь Надю?
– Я всех знаю. Но Надя – динамо. Лишися того ровера³³. Пацанка еще. А пацанки, чувак, это большое запаadlo. У тебя есть на чем записать? Нет? Так запомни – большое запаadlo! А динамщицы – это запаadlo в квадрате.

Кто такие динамщицы, знал каждый кавалер, потому что не раз и не два приходилось быть жертвой их хитростей. Динамщицы были особенным типом барышень, проводящим время в кнайпах. Они могли успешно флиртовать, зажиматься в танцах до томного закатывания глаз, позволяя чмокать себя в щечку, и бухать в неимоверных дозах шампанское и цветные коктейли, но после развлечения обязательно «делали тапки» – по-английски прощались, и фертык³⁴. А если им не удавалось «делать тапки» в кнайпе, то приходилось бедненьким все-таки вести клиентов на «точку», которая оказывалась обычной львовской брамой. Такие номера проходили, как правило, с туристами. Иногда динамщицу можно было встретить и с фонариком под глазом, но ничто не могло остановить неудержимой тяги гулять на всю губу и катиться от кнайпы до кнайпы в поисках новых приключений. Крутить динамо было стилем жизни. Самые интересные прокрутки становились легендами и передавались из уст в уста.

– А давай поздравим Надю, – предложил я.
– Ты серьезно? – заметно обалдел Франь. – Гм... ну, давай.

Мы взяли в баре по две бутылки шампанского и повалили к столу новорожденной. Компания встретила нас радостным гамом, но все были уже хорошенько подшофе. Надя, вся в цветущих румянцах, принялась пододвигать нам тарелки. Я пожирал ее глазами, она казалась мне той, с которой можно забыться на длительное время. За те полгода, что я вернулся из армии, я удовлетворял свои половые потребности без всякой системы. Девушка, дожидавшаяся меня из армии, сделала аборт за мои деньги, хотя в своем грехе я уверен и не был. Называется – подзалетел. Это меня угнетало. Тем более, что не был уверен я и в том, что она действительно делала аборт. Потому что золотые сережки, появившиеся у нее после аборта, наталкивали меня на глубокие размышления. А так хотелось чистой и пьянящей любви! Надя дышала здоровьем и неподдельной сексуальностью. Динамо? Ну и пусть. На всякое динамо есть свой кардан. Это все равно, что иметь дело с необъезженной кобылицей. Главное – выдержка. Зато потом – небо в алмазах!

Франь выпил бокал и исчез. Мне в чужой компании тоже не сиделось, и я пригласил Надю на танец с зажиманием, и с радостью почувствовал, как ее нежное домашнее тело льнет ко мне. Может, от выпитого, а может, от чувств. Там видно будет.

Когда я попрощался с ней и отправился к своему столу, то увидел пьяного поляка, который дремал на могучих грудях профуры, в то время как ее правая ручка деликатно исследовала глубины его карманов. Я бодро ей подмигнул, а она стыдливо потупила свои невинные свиньи глазки.

³² Приятели (*польск.*).

³³ Здесь: оставь, не стоит внимания (*укр.*).

³⁴ Конец (*галич.*).

За моим столом любовь была фонтаном. Заметив меня, Марианна нервно одернула платье. Ну, так и должно быть – ведь я ее брат! Я напустил на себя суровый вид, и руки грузин, словно испуганные зайцы, выметнулись из-под греческих юбок.

– Марианна! – сказал я как можно более грозно. – Амохи канталабия! Исме сом хири! – и направился к дверям, а Марианна с пылающим личиком посеменила за мной.

– Вах! Какой грозный брат! – покачал головой Теймураз. – Савсем грузин. Наша кровь.

В фойе Марианна дала мне последние ценные указания.

– Они хотят куда-то нас отвезти. Я им скажу, что ты мог бы договориться о ночевке и здесь, в гостинице. Когда они спросят тебя о цене, скажешь, что за двоих должны заплатить полторы сотни. Возьмешь эти деньги и заплатишь за две комнаты. Но не больше пятнадцати за комнату, слышишь?

– Кому я должен заплатить?

– Подойдешь к портье и скажешь, что ты от Марианны из Одессы. Я с ним разговаривала сегодня утром.

– А потом?

– Потом иди домой. А завтра в семь вечера мы ждем тебя в ресторане.

Марианна отошла, а я задержался, чтобы дать ей возможность рассказать о скверном брате и о том, что умаслить его могут только деньги. Неожиданно кто-то толкнул меня, и я оказался прижатым к стенке. Атаковала меня уже знакомая нам профура. Она разинула рот с выбитым передним зубом и прошипела:

– Не продавай! Слышишь? Не продавай! Иначе он меня прикончит.

Из ее варежки, будто из кратера вулкана, вырывался горячий воздух – прокуренный, заспиртованный, еще и хорошенько настоящий, – у меня даже дух захватывало. Я пытался повернуть нос куда-то в сторону, дабы, чего доброго, не свалиться преждевременно.

– На, возьми. Хорошо? Не продашь?

В ее глазах блестели слезы. А в моей руке хрустела банкнота.

– Не продам.

– Я тоже никому не скажу, что вы не греки... Пойдем, я угощу тебя шампанским. Хочешь? Или коньяком?

Я не хотел ни того ни другого, но она чуть ли не силой затащила меня за свой стол, налила вина, и с ярко выраженной радостью наблюдала за тем, как я его выпил. Потом погладила меня по руке и принялась по-кошачьи ластиться.

– Я теперь совсем одна... Понимаешь? Совсем одна. Когда-то я имела успех. Я имела все, что хотела... Ну, не совсем все, но... Налить еще?.. А теперь я никто... Если бы кто-нибудь занялся мной...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Никто не хочет быть моим опекуном. Понимаешь? А одной трудно. Когда угодно я могу оказаться среди тех, кто сидит в скверике напротив гастронома.

Она имела в виду скверик на проспекте Свободы, где собираются синего цвета алкоголики. Среди них немало страшных, аж черных с лица, баб. Гадкие, опустившиеся, в грязном тряпье, они отдаются каждому, кто предложит бутылку «чернил». А если рядом с ними постоять, то можно услышать просто фантастические матерные конструкции и порадоваться, что уже и украинский язык сделал значительный вклад в этот жанр.

– А я еще многое могу. Можешь проверить. Тебе никто такой оралки не сделает, как я. Я мастер. Я могу целый час ласкать твой стержень, и ты не кончишь, пока я сама этого не захочу. Я готова для тебя на все.

Она вдруг вскинула голову вверх, и губы ее задрожали. Около нас остановился Франь.

– Ты ее знаешь, Юрась?

– Нет. Только что познакомились.

– Твое счастье... Ну, солнышко мое, давай сюда подарочек.

– Нет! У меня ничего нет! – Она дернула меня за рукав, ища защиты. – Скажи ему – у меня ничего нет!

– Юрась, мы договорились с тобой?

– Ясное дело, Франь.

– Ну, значит, люкс. Я должен поговорить с дамой.

Я встал из-за стола и не успел сделать и шагу, как за спиной раздалось: хлясть! Это Франь влепил профуре. Через несколько шагов я оглянулся и увидел, как она дрожащей рукой подает ему кошелек. Через минуту она уже лежала на столе и горько рыдала, а курдупель вышивал на другом конце зала. Зато в кармане я нащупал банкноту. Так и есть – десятка. Честно заработанная. Сколько же было в кошельке, который она стащила у поляка?

Наконец оркестр перестал играть. Одиннадцать часов. Теперь и для них настал звездный час. Играть они будут уже только за деньги.

Я взглянул в сторону Надиного стола – там еще и не собирались расходиться. Я пошел к своим гречанкам. Из-за стола встал Теймураз, обнял меня за плечи и отвел в сторонку.

– Слушай, Кастантин. Твой Мариан – персик. Понял? За персик плачу, как за персик. Понял? Она сказал, што ты можешь сделать две комната, да? Сделай. Я плачу. Сколка?

Сто пятьдесят рублей? Мать честная! Как я выдавлю из себя такую сумму? Кто бы подумал, что эти гречанки такие дорогие?

– Гавари, дарагой. Я панимаю – радной сестра. Жалко. Очень жалко. У меня тоже есть сестра. Я бы убил тебя, если бы ты сделал ей больно. Но я восточный челавек. А ты – западный. У меня адын закон, у тебя – другой. Сколка? Сто рублей дат?

Я молчу и шмыгаю носом. Дураков нет – пусть сам поднимает цену.

– Сто пятьдесят дат? А? Даю сто пятьдесят. Понял? За двух.

Я молчу. Молчать я умею, как Бог. Чувствую, что грузин уже теряет терпение.

– Ну, ты разбойник, дарагой, да? Двести рублей даю! Больше – ни копейка. Панимаешь – очень гречка хачу. Никагда гречка не хател, а типер хачу, да?

– Черт с тобой, – говорю я, и мы ударяем по рукам.

Ударяем и вторично, но в этот раз не так звонко, потому что в моей ладони оказывается восемь четвертаков, которые быстро исчезают в кармане.

Теперь я направляюсь к портье и обделываю дельце. Он требует тридцать за два номера. Даю двадцать пять. Хорошо. Я свободен.

Дома мне снится толстая-претолстая профура с выбитыми зубами, которая клянчит: «Не продава-а-ай!»

Танго с зажиманием

«Хочешь познать грязь? – спрашивал наш философ восемнадцатого века Паисий Величковский, и сам себе ответил: – Тогда стань ею». И я стал.

На двери ресторана знакомое предупреждение: «Извините. Мест нет». Под дверью – нетерпеливая толпа. Но в фойе я вижу Марианну, она тоже меня замечает и зовет швейцара. Тот расплывается в улыбке, осторожно открывает и одним рывком втаскивает меня к себе, тут же захлопнув дверь перед носами возмущенных посетителей.

Марианна выглядит прекрасно. И думать не хочется, что это цветущее создание когда-то превратится в профуру с выщербленными зубами. Сегодня она в «левисах» и тоненьком свитерочке, а темные волосы буйным хвостом спадают на грудь.

– Ты сменила гардероб?

– Да, привезла из камеры хранения. Нам тут понравилось, мы решили остановиться на несколько дней.

Появляется и Елена. Тоже в «левисах».

– Привет!

Она целует меня в щеку. И это – на глазах у публики, которая там, за дверью, жадно наблюдает за нами. Я поворачиваюсь к ним лицом: видите, как выглядит галичанский супермен? Чтоб знали!

Потом вынимаю из кармана деньги.

– Тут сто семьдесят пять.

– Что? – удивляются обе. – Откуда?

– Очень просто. Я молчал, а он поднимал цену. Остановился на двухсот. Четвертак проглотил портье. А это остаток.

– Хо! – хлопает меня Марианна по плечу. – Ты нам нравишься! Давай работать вместе. Лучшего опекуна не найти.

– Ага, – подхватывает Елена. – Поехали вместе в Ужгород. Там тоже можно неплохо гульнуть.

– А пока поделим деньги, – говорит Марианна.

– Всем по полтиннику, а четвертак – на пропой и служебные траты.

Таким образом, кроме туфель «Саламандра» и десятки от профуры, я заработал еще полсотни, и все это – в один день.

За столиком Елена разливает шампанское и провозглашает:

– Кирие елейсон!

– Мы опять греки? – спрашиваю.

– В обязательном порядке. Сегодня у нас в гостях польская делегация.

– Откуда ты знаешь?

– Программа расписана до конца недели. Не волнуйся. Твои функции остаются прежними – примешь деньги и дашь четвертак портье.

– Этот портье неплохо зарабатывает.

– Неплохо. Но не все идет ему в карман. Он должен еще поделиться. Свою лепту получит администрация и дежурный милиционер.

– Боже, сколько людей знает, что мы не греки!

– О, их значительно больше. Приплюсуй всех местных проституток.

– Неужели у них такой наметанный глаз?

– У них свои возможности. Кстати, тут уже одна подходила и предлагала за тебя пятьсот рубасов.

– За ночь? – смеюсь я.

– Ну, ты слишком высоко себя ценишь. Пятьсот за то, что ты возьмешь их под крыло. Им понравилось, как ты работаешь. У тебя интеллигентная физиономия, а это в нашем ремесле редкость. Такой вот курдупель ни малейшего доверия у порядочного человека не вызовет. Кто поверит, что он в ресторане случайно? Он торгует проститутками, и никто даже не сомневается, что имеет дело с проститутками. А если за это возьмешься ты, клиент действительно может поверить, что ты берешь деньги за сестру-студентку, которой очень хочется прибараклиться, да не за что. И в постель с мужчиной она идет, словно на государственный экзамен, а наутро обязательно умоется слезами: «Ах, что я наделала! Ах, зачем я пила столько шампанского! Как вы могли воспользоваться моей слабостью?!» и т. д. Понятно тебе?

– Может, и вы так с утра рыдали?

– А ты думал! – встряла в разговор Марианна. – Мой дорогой Теймураз наклюкался так, что, как только мы пришли в номер и выпили еще бутылочку, он повалился и захрапел. Ну, я быстренько его раздела догола, сама тоже разделась и счастливо уснула. С утра он, бедолага, не мог вспомнить – было у нас что-то, или нет. Потом с криком: «Вах! Сколка денег угробил!» бросился меня насиловать. Но я бойко защищалась. «Уважаемый! – сказала я. – Вы заплатили за ночь. А сейчас белый день...» За что я люблю грузин – они джентльмены. Теймураз оставил меня в покое. Только, одеваясь, каждый раз произносил: «Пагулали, да? Могитхан?! Пагулали, да?»

Девушки заливаются смехом.

– Таким образом, я провела очень целомудренную ночь.

– А как ты, Елена?

– Ну, я была вынуждена поработать. Но в меру. Мой тоже был залит до краев. Утром он долго искал кошелек, который почему-то оказался под кроватью. А из кошелька, представь себе, не пропало ни копейки. В конце концов, там было всего восемьдесят рублей. Зато пропали два билета до Тбилиси. Представляешь, каково отчаяние?

– Пагулали, да? – хохочет Марианна.

– А эти билеты теперь в твоей сумочке? – догадываюсь.

И теперь уже втроем мы хохочем, как сумасшедшие.

– Нет, их там уже нет. Мы же ездили на вокзал за вещами. – При этом Елена кладет мне в карман двадцать пять рублей. – Ты доволен?

Еще бы! Восемьдесят пять рублей, не считая туфель! Из них двадцать пять краденых. За такую сумму еще не садят. Я могу спокойно пить шампанское.

Чувствую, как все глубже и глубже опускаюсь на таинственное дно. «Играешь с огнем, – шепчет мне на ухо пани осторожность. – Никто тебе не спасет, когда вляпаешься по уши. Потому что ты – один. И никто». И верно, кто я? Писатель? Но ведь я нигде не печатаюсь. Что я кому объясню? Что изучаю жизнь проституток? Чтобы написать рассказ?.. Нет-нет, этого ни в коем разе говорить не следует. Представляю, как капитан милиции смотрит мне в глаза и укоряет: «Пишешь клевету на нашу действительность? Для тех, кто за границей? Обливаешь грязью свою Родину? На кого ты работаешь? Сознаться! Добровольное признание облегчит вину!»

Почти такие же слова я услышал, когда меня задержала милиция при совершении ужасного преступления: я фотографировал мусорный ящик. А в ящике рылся горбатый дедушка. Никогда не думал, что мусорники относятся к военным объектам. А оказалось, что это именно так. Пленку засветили, меня несколько часов помуржили, заставили написать объяснение и отпустили. До следующего раза.

– Эти пятьсот рубасов мы бы поделили поровну, – вздыхает мечтательно Марианна. – Соглашайся, тут золотое дно.

– А Франь?

– Думаю, от комиссионных он не откажется.

– А легавые?

– Ну и чудак ты. С легавыми всегда можно договориться. Разве ты еще не заметил, что милиция на проституток внимания не обращает? А не обращает потому, что их в Советском Союзе нет. У нас ни секса нет, ни проституток. А как можно наказать того, кого не существует? Врубился?

– Сутенеров тоже не существует?

– Натурально! Откуда им взяться без проституток?

– Зато есть другая возможность – привлечь за тунеядство.

– Разве что какую-нибудь шмару, как вон та твоя знакомая, – и Марианна кивает на профуру. – А у путаны все документы в порядке. Я, например, работаю лаборантом в школе.

– Интересно – такой заработок, как за вчерашнюю ночь, наверно, нечасто случается?

– Бывает и больше. Нужно чувствовать клиента. Я сразу оцениваю его возможности. Ведь мы работаем под неопытных девочек. Я понимаю, что это до поры до времени, потом уже такой номер не пройдет. Но сейчас у нас такса – не ниже пятидесяти. Во время разговора с клиентом ориентируюсь, насколько он втрескался в меня и какими финансами располагает. Потом я поддаюсь на уговоры пойти с ним на квартиру или в гостиницу, но предупреждаю, чтобы не смел подкрадываться. Тогда он соблазняет золотыми горами. Как правило, весьма абстрактными. Но пока я не услышу что-то конкретное, и, заливаясь румянцем от стыда, не соглашусь, до тех пор я никуда с ним не пойду. По дороге намекаю, что он может меня обмануть. И разгоряченный клиент платит вперед... У каждого свой метод.

– А что будет, когда вы станете старше?

– Ничего страшного. Просто сейчас мы при минимуме работы получаем неплохие деньги. Со временем придется все-таки отточить мастерство. Опекун нам тогда тоже будет очень нужен, чтобы делать рекламу. Все-таки мне неудобно хвалить себя перед клиентом.

– Но ведь есть еще одна перспектива – выгодно выйти замуж! – встревает Елена.

– А я этого и не отмечаю, – соглашается Марианна. – Это вообще идеальный вариант – выйти замуж за действующего члена академии наук.

– Жаль только, что на ту пору, когда они становятся действующими членами академии наук, их члены становятся уже недействующими, – засмеялся я.

– Подумаешь! А нам этого и не надо. Главное – прожить жизнь так, как говорил Островский. Чтобы не было мучительно больно. Потом. От жизни нужно взять все самое кайфовое. И как можно больше. Такой девиз.

– К нам идут, – шепчет Елена.

Действительно, к нашему столику направляются трое поляков. Всем под сорок. Двое мужчин и одна женщина. У нее большой круглый живот, а полные бедра, кажется, вот-вот выскочат из плена тесных джинсов и явят нам свою рубенсовскую рыхлость.

– *Przepraszam... Czy tu jest wolno?*³⁵

Мотаем головами, что одновременно означает и «не понимаю» и «не занято». Поляки рассаживаются и деловито оглядываются в поисках официанта.

– Готи го аристос ятрос каи, – говорит Елена.

– Хреяс тон ен морион, – поддерживает разговор Марианна.

– Батрахомиамахия, – вспоминаю я название поэмы Гомера.

Поляки замолкают и прислушиваются. Так же замирает карась, заметив червячка. А потом р-раз! – и губа на крючке. Они догадываются, что мы не местные, но это их интригует и, в то же время, сковывает. Они не знают, как себя вести, и в первые минуты вообще молчат, лишь переглядываются.

– Ясу, – задумчиво воркует Елена. – Эпиклорес магес триполитикос.

³⁵ Прошу прощения... Здесь свободно? (Польск.)

Поляки начинают перешептываться, наконец, один не выдерживает психологической атаки и глотает крючок:

– Przepraszam... Słyszałem, że rozmawialiście w jakimś nieznanym języku. Właśnie doszło do sprzeczki, co to za język. Przyjaciel mówi, że łotewski, a ja – że grecki (Простите... Я слышал, что вы разговаривали на каком-то неизвестном языке... Собственно, мы поспорили, что это за язык. Приятель говорит, что латвийский, а я – что греческий).

Еще секунда – и я ляпнул бы «grecki», но, видимо, Марианна заметила по выражению моего лица, что я понимаю по-польски, еще чуть-чуть – и готов ответить, потому что толкает меня под столом ногой. Я глянул на поляка туманным взглядом и отвечаю:

– Но, но... не понимаем... гаварите па руски... харашьо?

Поляк повторяет вопрос по-русски и страшно радуется, когда оказывается, что прав был он, а не его коллега. А, в конце концов, он и не мог ошибиться, ведь несколько лет назад посетил Грецию и помнит даже отдельные выражения, например... Но я не даю ему похвастать греческим, чтобы не попасть в беду, и сразу начинаю обряд знакомства. Поляка, который был в Греции, зовут Антек, второго – Рысик, их коллежанку зовут Малгося. Завтра рано они едут машиной в Румынию с товаром. Мы уже разговариваем по-русски, но поляки постоянно забываются и вставляют польские слова и предложения, а я должен следить, чтобы не забыть переспросить, что это означает. Ей-богу, с грузинами было легче.

Поляки заказывают себе ужин и бутылку водки.

Поляк, пока трезвый, деньгами не сорит, и этим значительно отличается от кавказца. Зато когда выпьет, его можно раскрутить на всю катушку, чем он также отличается от нашего брата галичанина, которого не раскрутишь ни всухую, ни по-мокрому. Правда, есть отдельные незначительные случаи, которые лишь подтверждают это правило.

Мы пьем свое шампанское, они – свою водку. Одновременно совершается разведывательный акт: поляки выясняют, в каких отношениях мы находимся между собой. Итак, Марианна опять будет моей сестрой, а Елена – ее подругой, которая приехала из Киева на несколько дней. О том, что их дама не состоит в браке ни с одним из них, нам наперед известно. Иначе швейцар не направил бы их к нашему столику.

Я поворачиваю голову и с интересом наблюдаю, как работает профура. У нее свой специфический метод.

– Marek! Chodź tutaj!

– Nie jestem Marek.

– Wszystko jedno. Chcesz kielicha?³⁶

Поляк подсаживается к ней, а через минуту слышит:

– No, a teraz ty mnie postaw³⁷.

Но ястреб-курдупель уже кружится, уже кружится над своим цехом и все видит. Нет, такого не обведешь вокруг пальца.

При первых же звуках музыки поляки берут «гречанок» и гордо выплывают с ними на танцевальную площадку. Ах, как им приятно вести под руки таких сличных³⁸ панянок! Они цветут и горят, они поглядывают направо и налево, туда, где сидят их земляки, чтобы бросить короткое «Честь!» или просто кивнуть головой, и этим обратить внимание на себя и на своих партнерш. А кумпели из-за столов поднимают свои «кцюки» – большие указательные пальцы, свидетельствуя об искреннем восторге. Кто-то не сдерживается и бросает реплики:

– Antek! Trzymaj się dupy!

– Rysik! Jesteś zuch. Ale nie pszciskaj się zamocno, bo ci klamka padnie.

³⁶ Марек! Иди сюда! – Я не Марек. – Все равно. Выпьешь? (Польск.)

³⁷ Ну, а теперь ты меня угости (польск.).

³⁸ Красивых (польск.).

- A co wy, chłopaki! To tylko tango z przyciskaniem.
- No to cisnij, cisnij, ale pamiętaj, że to nie cytryna³⁹.

Тем временем Малгося красноречиво делает мне глазки. Она аж пищит – так ей хочется танцевать. Там бы она прижималась ко мне своим пузом и бубнила какие-то глупости. Но я делаю вид, что словно не замечаю, как она подергивается в кресле, как пытается подпевать. Как-то меня не очень тянет на пожилых кобит⁴⁰, а тем более на таких бесформенных, как эта.

Мимо нашего столика проходит курдупель и, еле заметно кивнув, подает знак выйти за ним. Я выжидаю несколько секунд и выхожу. Малгося провожает меня печальными глазами.

- С тобой один человек должен перебалакать⁴¹, – говорит Франь.

– Кто?

– Сейчас увидишь. Идем к бару.

Курдупель подводит меня к высокому столику, за которым – кто б вы думали? – сержант милиции. Капец, думаю. Пропал ни за грош.

Но мне пододвигают кофе, вежливо жмут руку, и я понимаю, что волноваться рано. Сержанта зовут Мыкола, он разговаривает в нос, часто делает паузы, будто бы ждет, когда я перевирую его слова.

- У меня к тебе одно дело... Есть большая партия джинсов... Понимаешь?

Я киваю, хоть и не понимаю.

– Очень большая.

Курдупель кивает каждому его слову. Видно, они эту проблему уже обсуждали. Зачем же им сдался я?.. Ага, у меня же есть цыгане. А тут – большая партия джинсов. Только цыганам под силу быстро сплавить большое количество. Но я молчу и лишь болтаю ложечкой в кофе.

- Возьмешься? – спрашивает милиционер.

– Как я могу вот так, с бухты-барахты, что-то сказать? Не зная, ни сколько их, ни по какой цене, ни какой сайз.

– Триста штук. Одни «Вранглеры». Сайз тридцатый, тридцать первый и тридцать второй. Наиболее ходовые. А цена божеская – сто двадцать.

«Вранглер» тогда стоил сто восемьдесят. Итак, навар должен составить восемнадцать тысяч. Страшные деньги. Я чувствовал, что по спине катятся капельки пота. Кажется, я влипаю сейчас в более опасную историю, чем до сих пор. Ведь что было до сих пор? Я проворачивал аферы на двести-триста рублей в месяц. Этого мне полностью хватало на мою холостяцкую жизнь. Я не влезал глубже по очень простой причине – чтобы не загреметь. Что делать? Отказаться? Так просто не откажешься, надо объяснить причину. А какова причина? Что я – не тот, за кого себя выдаю?.. Тут пахнет жареным, и на какого черта я спутался с этими проститутками? Никогда не думал, что могу попасть в такую трясику – с каждым шагом погружаюсь все глубже. И пути обратно нет. А есть лишь бездорожье, и нужно шагать по нему.

- Ну? – спрашивает Мыкола.

– Хорошо. Но по сто десять, – ляпаю просто так.

– Нет, все расписано. Сто двадцать.

– Жаль.

– Что жаль? Не возмешь?

– Нет.

– Вон ты какой... – выражение его лица тускнеет, я и вижу, как под кожей заходили желваки.

³⁹ Антек! Держись за зад! – Рысик! Ну, ты даешь. Но не прижимайся слишком крепко, а то крыша поедет. – Ну что вы, ребята! Это ведь только танго с зажиманием. – Ну, тогда жми, жми, но помни, что это не лимон (польск.).

⁴⁰ Женщин (польск.).

⁴¹ Переговорить (укр.).

– Это он шутит, – говорит курдупель. – Шутит. Я его знаю. Кокеточка, хе-хе. А ну, отойдем на минутку. Кое-что тебе скажу.

Он берет меня под руку и через два-три шага шепчет:

– Не будь фраером, слышишь? Соглашайся. Цена – люкс! А это человек очень ценный. Про все облавы на фарцов сообщает, слышишь? Не раз еще пригодится. Кстати, в пятницу будут брать «скупку». Ты должен своих предупредить.

«Скупка» – скверик за Оперным, где тусовались фарцовщики. Я там тоже решал свои делишки, поэтому подумал, что располагать таким информатором действительно выгодно. Я возвращаюсь к столику с дружелюбной улыбкой.

– Хорошо. Согласен.

– Вот это другой разговор, – тоже улыбается милиционер. – Двадцатого будь в семь ноль-ноль вечера с машиной и с деньгами на шоссе в Брюховичи. От того места, где начинается лес, проедешь километр и остановишься. Откроешь багажник и жди. Можешь взять с собой еще кого-нибудь одного. Не более. Я тоже буду с товарищем.

– Будет он, будет, – кивает Франь. – Восемнадцатого я с ним встречусь.

– Восемнадцатого? – переспрашиваю.

– Ты уже забыл?

– Нет, но ты точной даты не называл.

– Теперь называю. Восемнадцатого с восемью ребятами у входа в ресторан. Примерно в девять вечера... Ну, и пусть возьмут там кое-какие инструменты, слышишь?

Я прощаюсь и иду в зал. Сейчас тут как в улье, потому что у музыкантов перерыв. На столе у нас три бутылки шампанского и две водки. Ясно, поляки уже угощают.

– О, Коста! – восклицает Антек. – Присоединяйся.

Раскрасневшаяся Малгося оказывается почему-то рядом со мной. Столкнулись они довольно быстро: Антек напирал на Марианну, Рысик – на Елену, Малгося пожирает меня взглядом. А когда музыканты начинают горланить «Лето, ах, лето», она хватает меня за руку и насильно тащит на площадку. А там, как я и ожидал, прижимается так крепко, будто кто-то ее предупредил, что через минуту по залу прокатится ужасное цунами. Она дышит тяжким смрадом прямо в нос, а левая ее рука нежно гладит меня по спине. Правая тоже не дремлет, а передвигает мою левую руку себе на грудь и прижимает ее таким красноречивым жестом, что мне уже никак не удастся делать вид, что я по уши увлечен танцем, и я вынужден хоть приличия ради искривить губы в усмешке. Под ладонью чувствую что-то мягкое и расплывшееся. Оно болтается из стороны в сторону и орошает мою ладонь потом, потому что пани Малгося сегодня без бюстгальтера.

Наконец танец заканчивается, но сразу начинается другой, и, как на беду, «опять с пшытысканем».

– Коха-а-ась, – млеет Малгося. – Ты тоже останешься?

– Где? – настаиваю.

– В отеле, естественно. Антек и Рысик пригласили девушек к себе в гости. А у меня отдельный номер, и я могу тебя тоже пригласить.

– Не знаю... У меня завтра важное дело.

– У-у, негодный... Отказывать даме?.. Наверно, я для тебя слишком старая, да?

– Да нет, что ты... Я...

– Коха-ась, я бы так хотела... У меня для тебя подарочек... Часы. Гонконг. С музыкой...

Она заглядывает мне в глаза и мурлычет так, словно ей на двадцать лет меньше. И это после нескольких бокалов, а что будет дальше? Как говорил мой дед: водка во рту – баба на посту.

Когда мы возвращаемся за стол, Малгося слегка пошатывается, и это наполняет меня надеждой. Марианна и Елена пьют очень мало, зато подбодряют партнеров, а те меры не знают: раз за разом потягивают то водку, то шампанское.

Тем временем и мне уже открылась дорога на панель: Малгося задумчиво гладит рукой мое бедро. Закрываю глаза и вижу, как бурное будущее раскрывается передо мной... бабушки записываются в очередь... У меня свой импресарио. Он принимает телефоны. А я весь день только и делаю, что просиживаю у зеркала. Полирую ногти и выщипывая брови и волоски из носа...

Сейчас меня стошнит. Эта Малгося прет, как танк. Сбрасываю ее руку с бедра, но она почему-то воспринимает это как обычное кокетство и дальше лопочет что-то неопределенное и сальное. К счастью, по-польски. А я не обязан все это понимать, ведь я, как-никак, грек.

Ну их к дьяволу. На сегодня хватит. Ничего интересного больше не предвидится. Делаю знак Марианне, и мы выходим.

– Ну, так что – я пойду? Вы уже тут сами как-нибудь.

– Как это – пойду? А деньги взять, пока еще языком ворочают?

– Ну, хорошо, сейчас возьму и иду.

– И очень многое потеряешь.

– Что именно?

– Останься, не пожалеешь.

– Если бы ко мне эта Мандося не липла.

– А ты с ней сделай то же самое, что мы со своими – напои ее по самое не могу.

– А потом на плечах нести?

– Так ведь не здесь, а в номере. Сейчас идем к ним в номер. Ясно? По дороге скажи им о деньгах.

– По пятьдесят?

– Больше они не дадут. К тому же, ведут в свои номера, а это для нас дешевле.

И мы пошли в отель. По дороге в номер, уже на лестнице, я тактично намекаю Рысику, что любовь любовью, но у меня сестра. Что я потом скажу маме, которая в далекой Греции на каменистом острове ждет своих милых деток? Мало того, что различные империалисты постоянно развлекаются с невинными гречанками, так еще и тут искушения подстерегают. А мы – студенты, нам учиться надо.

Рысик обнял меня и сказал:

– Очень хорошо. Но сначала выпьем.

– Нет, – говорю я. – Сначала деньги, или сестру я не отдам.

– Твоя сестра – Марианна?

– Ну?

– Я к ней ничего не имею. Говори с Антеком.

Вот хитрец! Берусь за Антека. Стена. Ни бум-бум. Я говорю, он кивает, даже переспрашивает, но денег не дает. Ага, вот вы как!

– Марианна, кес кем ме!

– О? Су ами терахи?

– Не дают, – шепчу, когда она подходит.

– А-а! – негодует Марианна. – Тогда – чао-какао!

И мы спускаемся вниз. Поляки быстро гогочут, наконец Антек догоняет меня и шепчет:

– Что ты, шуток не понимаешь? Сколько нужно дать?

– А сколько, ты думаешь, нужно дать за двух восемнадцатилетних девушек, чистых, как слеза?

У Антека сразу глаза лезут на лоб:

– Чистых, как слеза? – переспрашивает он, облизывая губы.

Вижу, что переборщил.

– Ну, не совсем так... Но... это же вам не какие-нибудь... У них женихи есть...

Антек набирает в легкие воздух и протягивает пятьдесят:

– Это за одну. А за вторую?

– Как? Ты хочешь сто?

– Нет, я хочу двести. Но с вас беру сто только потому, что мы сидели за одним столиком. Таков закон у греков. Раз сидели, пили, ели – значит, породнились.

Антек шмыгает носом, Рысик подступает ближе, и, когда узнает, что удовольствие настолько дорогое, начинает не на шутку возмущаться:

– У нас такие деньги – разве что за секс-бомбу.

– Значит, ваши секс-бомбы ни пса не стоят. Вы же в цивилизованной стране, а не на острове Тобаго.

Не ущемил ли я ненароком их национальную гордость? Так и есть: Рысик тут же ежится и делает грудь колесом. Но Антек, посопев и окинув девушек взглядом, вынимает еще полтинник и кладет мне в руку.

В номере поляки порывают со всеми колебаниями и начинают заливаться с таким усердием, как будто делают это в последний раз. Я слежу, чтобы моя Малгося тоже не сачковала, и смешиваю ей такие термоядерные коктейли из водки и вина, что сам бы давно свалился, а она держится.

Антек затянул: «Пий, брате, пий! На старість торба і кий!»⁴²

Марианна шепчет:

– Забирай свою клячу и отведи ее в номер. Через полчаса встретимся у лестницы.

Малгося словно читает мои мысли – повисает на плече и тянет к себе в номер:

– Коха-а-ась! Какой ты милый!

Выходя, я беру еще недопитую бутылку водки и полную – шампанского. Малгося должна вырубиться.

Как только мы переступили порог, Малгося щелкает ключом и моментально оказывается без джинсов. Но такая поспешность меня не привлекает.

– Давай выпьем, – говорю и подсовываю свежий коктейль.

Малгося хлюпает пойло махом, и начинает танцевать передо мной какой-то арабский танец с заламыванием рук над головой и выставлением пупка. В танце она снимает еще и свитер. Под свитером – голая. Брр! Ее белое сальцо подпрыгивает, словно на сковороде. Вот из сумочки она достает часы с браслетом и насильно надевает мне на запястье. Я благодарю ее новым коктейлем:

– Давай за любовь!

Мы чокаемся. У Малгоси на глазах слезы. Рыдая без причины, она дуэт коктейль, одновременно шатаясь всем телом так, что мне кажется, что она вот-вот бахнется на пол. Поэтому я стою рядом, и когда она отставляет пустой фужер, легонько толкаю ее на кровать. Малгося падает на спину и стонет:

– Коха-а-ась! Куда же ты делся?

– Сейчас, подожди.

Ждать осталось недолго. Блаженное посвистывание носом быстро перешло в тяжелый храп.

На земле лежит ее сумка, а из нее выглядывают фотографии. Но одной из них Малгося с двумя детьми и, очевидно, с мужем. На другой – только муж. Сразу видно – трудяга. Должно быть, смотрит в эту пору телевизор и думает: а как же там моя дорогая Малгося?

Я снимаю часы и кладу их в сумочку. Не заработал я их.

⁴² «Пей, брат, пей! На старість сума и посох!» (Укр.)

Выключив свет, выхожу в коридор на лестничную клетку. Там за столом сидит тучная женщина и что-то пишет. Сложно сказать, кто придумал эту бессмысленную должность – «дежурная по этажу», но она была во всех советских гостиницах. Эти насупленные неприветливые бабищи, как правило, несли свою никем не санкционированную службу моральности. Увидев меня, она сразу делает суровый вид, и грозно-грозно так:

– А вы че тут делаете? Вы у нас не живете!

– Сейчас ухожу. Жду знакомых.

– Каких-таких знакомых? Че ты мне врешь? Ану, папрошу униз!

– Ну, еще пару минут. Сейчас они выйдут.

– Никаких пар. Папрошу униз. А то шас милицанера вызову. Ишь, какой! Много вас тут всяких шляется, а я отвечать должна. Понапиваются, дебоши устраивают, окна быют, стулья ломают, скатерти воруют.

Произнося все это, словно заклинание, она прет на меня, расставив руки, будто загоняя петуха в курятник.

– Давай-давай, униз... Милицанера пазову, зачем неприятностей?

Ну, что же – вынимаю из кармана два рубля.

– Мне нужно подождать. Пару минут.

Старуха прячет деньги и уже приветливо улыбается:

– Ну, гляди мне, как бы беды не было. А то, знаешь...

О, чудо! Она перешла на украинский! И все это удовольствие стоило два рубля.

– Нервная у меня работа... За всем следи, чтобы порядок был... а приезжие, знаешь какие – водят разных, прости господи...

– А вам что за печаль? Их же внизу пропустили и деньги взяли.

– А ты откуда знаешь? – настораживается старуха. – Не сам ли платил?

– Может, и платил.

– Вот то-то же и оно. Им там перепадает немало. А я тут сижу ночами, и все на мне. Этот рубль, этот два... А они там, внизу, не рублики урывают... – И добавляет с грустью или жадностью: – Евреи себя не обидят. Вот так и в жизни бывает. Он внизу, ты – наверху. Только ведь там, внизу, он лопатой гребет, а ты наверху объедки принимаешь. На самом деле, вишь, не ты вверху, а он...

– Но за ночь десятку-вторую имеете?

– Когда как. Да и не все мое. Шла сюда, так должна была заплатить.

– Сколько?

– Эге, тебе скажи... Будто бы не знаешь, сколько. Заплатить заплатила, да что с того?

После каждого дежурства и дальше плачу... Так-то...

Часы у нее над головой показывают пятнадцать минут второго. Я теряю терпение и выхожу из отеля.

Конец гастролей

На следующий день девушки снова ждут меня за столом.

– Привет. Знакомься. Я – Марунька, а это – Леська.

– Мне очень приятно, что мы уже не греки. Кто у нас сегодня в гостях?

– Неизвестно. Вообще мы решили взять выходной. Поэтому даже не просили швейцара подсаживать кого-то.

– Вот деньги. Куда вы вчера пропали?

– Деньги заberi себе, мы ведь вчера получили доплату. В виде подарков. Потому и задержались.

– И что вы там получили, если не секрет?

– Секрет. А это твоя сотня.

– Да нет, с меня хватит. Я ж не деньги пришел зарабатывать, а...

– ...а писать роман. Знаем, знаем. Только позволь нам оплатить твой тяжелый труд. Мы очень уважаем труд писателей. Сам подумай – если мы не оплатим, то кто? Где ты этот клад напечатаешь? Мы вообще тут думаем, не переговорить ли с другими проститутками и не открыть ли для тебя стипендию? На период написания романа? Что скажешь?

– Я тронут до глубины души.

– Ну, так давай нам на всякий случай адрес.

Сдуру я продиктовал им адрес, даже не подозревая, в чьи руки он попадет и сколько неприятностей мне это доставит. Но случится это только несколько недель спустя. А сейчас я сижу в ресторане, и в кармане у меня столярник. Теперь я еще и проститутский стипендиат.

К нашему столу подсадили двоих. Один – худой высокий мужчина лет за шестьдесят, одетый в поношенный каштановый костюм. Второй – значительно моложе, под тридцать, в ядовито-синем костюме из кримплена. Одним словом, «рога». Разговаривают между собой на суржике. Видно, приезжие. Девушки на них не обращают никакого внимания. Цех между тем работает, аж гудит. Профура хрипит: «Марек! Хцеш келиха?», курдупель шатается между столами, чменники хрустят десятками, фарцовщики добивают торг.

Так проходит где-то с час. И когда начинаются танцы, Марианну приглашает какой-то майор. После танцев он подходит ко мне, отзывает в сторонку и кладет в руку две двадцатипятки. Я так же молча прячу деньги в карман и, сев за стол, провожаю их глазами.

– Выходной не удался, – смеется Леська.

Рагули попивают водку и у них понемногу краснеют лица. Я поглядываю по залу. Много интересного можно увидеть, если сосредоточиться.

Вот появляется группа цыган. Двое из них, муж и жена, – очень важные, толстые и надутые, словно индюки. На муже, который напоминает Риши Капура, поблескивает велюровый пиджак, джинсы с закатанными штанинами распирает громоздкий живот. На руках у обоих перстни, а когда они раскрывают рты, то засвечивается сплошное золото; их сопровождает двое охранников. Таких принято в этом мире называть гориллами. Пока они неспешно рассаживаются, юркий официант порхает над ними, словно колибри, и что-то трещит, стрекочет, щебечет. Должно быть, это какой-то барон цыганский.

– Это что – цыгане? – спрашивает старик.

– Да.

– Ты гляди! У нас таких и нет.

– А вы откуда?

– Из Житомира.

Потом старик начинает меня расспрашивать о ресторанах и о том, где здесь можно гулять.

– А что это на вас нашло – гульнуть?

– Понимаешь, сынок, болен я. А денег – тьма. Живу один. Некуда деньги девать. Вот и махнул сюда. Посмотреть на западenceв, интересный вы народ.

– Разве мы не один народ?

– Не-е... Западenceы – это западenceы.

– А что, – скалит зубы молодой, – и до сих пор, небось, в сене автоматы прячете? Ха-хха!... Да? – он лезет в карман и вынимает пулярес⁴³. Осторожно его раскрывает и тычет мне под нос Сталина. – Знаешь этого человека?.. Вот он вам залил сала за шкуру, скажи? Залл-лил! Да?.. А я уважаю. Хороший был, бдительный товарищ. Скажи, дядь Миш? Уважаешь?.. И дядь Миш уважает. А ты не уважаешь. Правильно?

– Дурак ты, – говорю я. – И не тычь мне под нос своих родственников.

– Что? – вытворяется тот, и я вижу в его пьяных глазах вспышку ярости. – Ти че? По мозгам хошь? Сделаем! Вот выпью щас псят грамм, и сделаем. Да, дядь Миш? Сделаем?

– Заткнись ты, – буркает старик. – Нахлялся уже?

– А че он выступает? Думает, с красивыми девочками сел, так уже и выступать можно?

– Заткнись, я тебе сказал!.. Не слушайте его. Дурак пьяный. Я его взял для компании. На побегушках у меня... Денег тьма... Куда их девать? Вот и гуляю. Жена умерла, детей нет. А я на мясокомбинате работал. Да и жена... Сам понимаешь. Зарабатывали хорошо. А теперь кому это все?.. Вот я и... пропью, прогуляю... На юг поеду... там еще посмотрю. А то всю жизнь пахал, как папа Карло. Света белого не видел. Ковры, хрустали там разные – этого у меня, как... Хоть бы семья какая была... а то... В тридцать третьем с голодухи три сестры мои умерли... А я выжил... потому что отец с фабрики печенье крал. Мне его размочат и дадут. Вот и выжил... Но отец не выжил... Поймали и расстреляли... за печенье... А это чмо... это чмо еще со Сталиным носится... Мало того, что в кабине у него один висит, так второго, вишь, у сердца держит...

– А вы, дядь Миш, не правы-ы... Уважаю я его! Потому что – бдительный был!

– Пошел ты! Чмо и есть... Родственник, понимаешь. Какой родственник – третья вода на киселе. И хоть бы что путное. А то...

Слово за слово выведал у меня старик, что я художником работаю.

– О! Это то, что надо! Слушай, нарисуй мой патрет, а? Вот умру, а патрет останется. Нарисуй! Плачу, сколько скажешь.

И не успел я еще объяснить ему, что я вовсе не портретист, а обычный оформитель, который создает лишь такие шедевры, как «Решения XXV съезда КПСС в жизнь!» или «Не курить! Не сорить!», как он вытащил какой-то документ и – рраз! – вырвал оттуда свое фото.

– На, бери. Сейчас еще и деньги дам.

Леська сразу ожила и наклонилась вперед.

– Какие деньги? – говорю. – Не нужно никаких денег. Я портретов не рисую.

Леська меня пинает под столом ногой. Ясно – хочет раскрутить старика. Но при чем тут я?

– Он нарисует, – говорит она. – Он настоящий талант. Один раз как нарисовал меня – вы не поверите! – как живая! А один председатель колхоза заплатил ему целых...

На этот раз уже пинаюсь я, но получаю такого пинка в самую косточку, что сразу забываю, что хотел сказать. А старик уже кладет на стол триста рублей, которые мигом исчезают в Леськиной сумочке. Она у него еще и адрес берет – чтобы выслать портрет.

«Дядь Миш» расстегивает штаны и достает оттуда полиэтиленовый мешочек, набитый банкнотами. Но случилось непредвиденное. Юный сталинец, оказывается, одним ухом таки

⁴³ Кошелек (галич.).

прислушивался к разговору, хоть Леська всячески его отвлекала и забавляла. Встрепенувшись, как после наркоза, он хватается старика за руку:

– Дядь Миша! Да вы что? Вы кого слушаете? Тут все жулики! – А потом ко мне: – Ты че пристал? Дядю Мишу охмуряешь, да? У дяди Миши куры денег не клюют, да? Запад, понимаешь!.. А я плевал! Только и ждете, чтоб русского человека надуть!

– Какой ты, к чертям, русский? – подал голос старик.

– А вот и русский! А они все бандеровцы! Понял? С кем спутался? Всех вас к...

Внезапно он захлебнулся. Крепкая рука сжала его шею.

Я поднимаю глаза и вижу курдупеля. Это его рука. И это он шипит так грозно, что у «русского человека» глаза вылезают из орбит и слезаются.

– Ты, жлоб! Чтобы я твоего поганого рыла больше тут не видел, ясно? Я тебе покажу бандеровца. Скотина!

– Он пьяный, – говорю я. – Оставь его.

– Если он через пять минут отсюда не уберется, то его вынесут.

– Мы уже уходим, – говорит старик. – Уже уходим. Он просто дурак.

Франь отпускает свою жертву и кивает мне головой – мол, выйдем.

В фойе он устремляет в меня свой хищный пронзительный взгляд, которым сразу про сверливает в моей голове дыру, и я чувствую, как там уже начинает шевелиться червячок страха. Это меня раздражает. Почему я должен остерегаться этого курдупеля?

– Ну, что? Как мы с тобой договаривались?

– Не понимаю, о чем ты.

– Не понимаешь? Интересный ты чувак. Оно, может, так в жизни проще – шлангом прикидываться. Но сейчас ты влип, и если вы, не дай бог, продали товар, то туго вам придется.

– Послушай, я действительно не понимаю, о чем ты говоришь. Какой товар? Во что я влип?

– Во что? Давай не будем, а? Я знаю точно, что поляков «поставили» твои девочки. И не говори мне, что ты ничего об этом не знал.

– Хорошо, оправдываться не буду. Ты мне только в двух словах объясни проблему.

– Проблема элементарная: твои ляли «поставили» поляков на двадцать часов. Если их пнуть всего по пятьдесят, то получишь целый кусок. Неплохо? Правда?

– Они украли или...

– Ясно – украли. Какой дурак заплатит за ночь такие деньги?

Вот о каком подарке говорили мои девчонки!

– Но я об этом ничего не знаю. Они сказали мне, чтобы я оставил себе деньги, потому что они получили от поляков подарки.

– Хорош подарок! Я бы и сам от такого не отказался. Вот так они нашего брата и разводят. Хе... Я уже знаю, чего можно ожидать от этих двустолок. Не первый год работаю... в этой области, и как ты только позволил себя так облапошить? Поражаюсь. Ну да, будет тебе наука на будущее... Словом, сделай так, чтобы часы сейчас же объявились. Поляки приедут через несколько дней из Румынии. Часы необходимо вернуть. Чтобы без шума. Такие вещи надо уметь делать. Когда твои ляли захотят кого-нибудь «поставить», то пусть делают это в брамах, скверах, клозетах – где в голову взбредет, но не здесь... Ну, а если ты и действительно об этом не знал, то я бы на твоём месте всыпал им такого перца под хвост, чтоб надолго запомнили... И еще одно: после этого фокуса, сам понимаешь, больше им здесь гастролировать нельзя. Пусть пензлюют⁴⁴ в другое место. Да и ты бы с ними лучше не путался. Подведут под монастырь, и глазом не моргнешь.

– Хорошо. Сейчас я часы заберу.

⁴⁴ Убираются, идут (*галич.*).

– Если они их еще не загнали.

– А если загнали?

– Ну, дорогой, тогда пусть бабки гонят. Не меньше куска с вуглом⁴⁵.

– Ты же говорил – всего кусок.

– Чувак, эти часы идут по шестьдесят-семьдесят рублей. Прохавал? Вот и считай. За сколько продали – все до копейки на бочку. А то отсюда не выйдут.

Ничего себе, милые девочки. Так меня в дураках оставить!

Я возвращаюсь в зал и вижу их за столом одних, они весело над чем-то хохочут. Наверно, Марунька рассказывает что-то пикантное о майоре. Но когда их взгляды замечают мою насупленную физиономию, смех куда-то пропадает.

Теперь все зависит от того, как я начну беседу. Если начну ее так, как это умею я, писака, то вполне возможно, что меня просто высмеют. Как поступил бы на моем месте курдупель? И тут я вспоминаю французский фильм, где разыгрывалась именно такая сцена. Начиналась она со звонкой пощечины, и не одной. Но пощечины в ресторане непременно привлекут внимание. Внимание же курдупеля привлекать нет надобности. Он и так следит за нами вполглаза. Он по моему поведению быстро поймет, имею ли я какое-либо отношение к этим часам, а главное, действительно ли я такой сорвиголова, как ему показалось.

Я поворачиваю улыбающееся лицо к Леське, и, когда она пробует ответить мне улыбкой, ловлю ее за щеку большим и указательным пальцем правой руки, а левой прижимаю к себе. У бедолаги выступают слезы на глазах.

– Ты, шмара! Чтобы часы немедленно были на столе! Все двадцать.

– Какие часы? – возмущается Марунька. – Ты что, с ума сошел? Пусти ее!

– Пуфти... – шипит Леська. – Бо'ит!

– Разорву морду от уха до уха! Считаю до трех.

– Какие часы?! – нервничает ее подруга. – Перестань чудить! Я закричу!

– Тогда у нее будет рожа, как халява. Раз!

– Мы же не только для себя! Мы хотели с тобой поделиться! Хочешь, забери половину.

– Два!

– Оттай чафы... – скулит Леська, а по ее лицу течет черная краска.

– Пусти ее, садюга! Сейчас принесу.

Марунька вспархивает из-за стола, я отпускаю Леськину щеку, но продолжаю прижимать ее к себе. Со стороны – просто влюбленная парочка. Это ничего, что она вытирает слезы. Случается. Может, у нас индийская любовь.

Кошусь на курдупеля. Но он, кажется, уже забыл обо мне, потому как увлечен оживленным разговором с тремя сосками.

Марунька кладет на стол сумку и наливает себе шампанского.

– Все?

– Сосчитай, – фыркает она недовольно.

– Словом, так, девочки. За нами следят. Поэтому не делайте глупостей.

Я отпускаю Леську и считаю часы. Все... А курдупель только делал вид, что не обращал внимания – моментально вскакивает на ноги и идет к нам.

Так же пересчитывает часы, даже глазом не скользнув по девушкам.

– Передай им, пусть сделают так, чтобы я их долго-долго искал. Хорошо? И немедленно.

Когда он ушел, Марунька пробует виновато улыбнуться мне:

– Ты сердисься?

– Я буду сердиться еще сильнее, если вы сейчас же не положите на стол триста рублей от старика.

⁴⁵ Четвертью (галич.).

- Все триста? – не помнит себя от удивления Леська.
- Все триста. Это же я буду рисовать портрет, а не вы.
- Но ведь... но ведь...
- Мне что, повторить процедуру?

– Ой, нет! – вскрикивает Леська, и на всякий случай отодвигается от моего кресла на другой конец стола. Зато я пододвигаюсь к Маруньке и нежно обнимаю ее стан.

– Пе-ре-стань! – лепечет она. – Давай поговорим спокойно. Часы мы отдали. Сейчас уйдем отсюда. Хочешь, перебазировемся вместе в другой ресторан? Хочешь?.. Еще кого-нибудь разыграем? Ну? Ясу?

– Охи, кисуля. Благодаря вам я влип в историю, из которой должен выпутаться. И мне нужны деньги. А вы себе плывите куда угодно, и на всех парусах. Вам только сюда показываться запрещено. А так – свобода. Можете махнуть хоть на Сахалин. А мне махать некуда. Я остаюсь со своими неприятностями один на один. Ясно? Выкладывайте бабки!

Марунька берет Леськину сумку и отсчитывает деньги.

– Валим отсюда, – говорит Леська. – Мне эта кнайпа уже надоела.

– Ну, ладно, чао, – нежно улыбается Марунька и, чмокая меня в щеку, кладет в ладонь гонорар.

Потом они идут, бросая направо и налево прощальные взгляды. Пора и мне. Я допиваю пиво, и в этот момент слышу над головой:

– С вас шестьдесят восемь сорок.

Я закашливаюсь и таращу удивленные глаза на молодого, но наглого официанта. Его лицо вежливо и неумолимо. Когда я вижу такие гладенькие лица, у меня возникает желание залепить их кремом. Но на столе кремов нет. Зато есть четыре пустых бутылки из-под шампанского, две из-под водки и несколько пивных. Есть еще салаты и мясное ассорти – любимое блюдо всех официантов Советского Союза, ведь на нем можно с легкостью заработать целые пять рублей – стоит оно пятнадцать.

– Не понимаю. С вами разве не расплатились?

– Нет. Попрошу рассчитаться. Закрываем.

– Но ведь все это заказывал не я, а те двое. Мы с девушками заказывали одно шампанское и два пива, это стоит семь рублей.

– Та-ак, мне что, милицию звать?

Милицию? Этого мне еще не хватало. Но выбросить вот так, за красивые глаза, целых шестьдесят восемь рублей? Не на того напали.

– Давай, зови, – роняю равнодушно и берусь за это ассорти. Если гудеть, так уж на сытый желудок.

Зал понемногу пустеет. Через несколько минут у стола вырастают две фигуры. Официант и... мой знакомый милиционер.

– Привет, – говорит Мыкола и, обернувшись к официанту, добавляет: – Осечка, Вася.

– Как это?

– А так. Осечка. Наш человек. Навара не будет.

– Вот черт! – улыбается официант. – А я думал, рагуль какой-то. Как и те... Да-а... Ну, ниче... А ты тоже, – хлопает меня по плечу. – Ты тоже – х-хе! – даешь. Сказал бы сразу, я бы и... Так, может, пару грамм?

– Ну, принеси, если не жалко, – соглашается милиционер и садится рядом со мной. – И приberi тут.

– Айн момент! – неизвестно чему радуется Вася, собирая пустые бутылки.

– Так вы вместе работаете? – подмигиваю Мыколе, когда мы остаемся одни.

– С дураком поработаешь...

– Да ладно. Способ не самый худший.

– Ну да. На хлеб зарабатываем.

Тем временем Вася порхает бабочкой. Вот он уже наливает из графинчика, вот подсовывает салат, ставит свежую тарелку ассорти, потом опрокидывает стопочку водки за наше здоровье и исчезает.

Мы сидим в пустом полутемном зале.

– Так ты что, действительно про часы не знал ничего? – спрашивает Мыкола.

– За кого ты меня принимаешь? – отвечаю деловым тоном. – Если бы я взялся, все было бы шито-крыто. Даже ты ничего не учуял бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.